

Альберт ИВАНОВ

КРЫЛЬЯ, НОГИ И ХВОСТЫ

*Летим со мной,
там столько вкусного!*

Альберт Иванов — замечательный детский писатель.

Мультфильмы по его произведениям входят в золотой фонд российской кинематографии.

Мальчики и девочки, а также их родители с удовольствием читают истории про Хому и Суслика, про Хитрую Ворону и смотрят любимые мультфильмы:

«Приключения Хомя», «Раз-горох, два-горох», «Крылья, ноги и хвосты», «Сказка 10-го этажа».

Эта книга — калейдоскоп смешных, увлекательных и интересных рассказов Альберта Иванова.

Их герои — птицы, животные, обыкновенные ребята, и даже английское привидение — попадают в настолько увлекательные приключения, что известные мультипликаторы решили создать про них фильмы!

Как только вышел мультфильм «Крылья, ноги и хвосты», фразы из него тут же стали крылатыми.

«Крылья, крылья... Главное — ноги!» — говорит страус грифу. Ведь у каждого свои таланты. Главное — поверить в себя и найти им применение.

ОЧЕНЬ
ПРИКОЛЬНАЯ
КНИГА

Альберт ИВАНОВ

КРЫЛЬЯ, НОГИ И ХВОСТЫ

Художник Александр Голубев

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6
И20

Иллюстрации Александра Голубева
Дизайн обложки Владимира Ноздрина

Иванов А. А.

И20 Крылья, ноги и хвосты : Рассказы. — СПб. : Издательская
Группа «Азбука-классика», 2010. — 80 с. : ил. — (Очень при-
кольная книга)

ISBN 978-5-9985-0619-2

Альберт Иванов — замечательный детский писатель. Мультфильмы по его произведениям входят в золотой фонд российской кинематографии. Мальчики и девочки, а также их родители с удовольствием читают истории про Хому и Суслика, про Хитрую Ворону и смотрят любимые мультфильмы: «Приключения Хомя», «Раз-горох, два-горох», «Крылья, ноги и хвосты», «Сказка 10-го этажа».

Эта книга — калейдоскоп смешных и увлекательных рассказов Альберта Иванова. Их герои — птицы, животные, обыкновенные ребята, и даже английское приведение — попадают в настолько необычайные приключения, что известные мультипликаторы решили создать про них фильмы! Как только вышел мультфильм «Крылья, ноги и хвосты», фразы из него тут же стали крылатыми. «Крылья, крылья... Главное — ноги!» — говорит страус грифу. Ведь у каждого свои таланты. Главное, поверить в себя и найти им применение.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9985-0619-2

© А. Иванов, 2010
© Издательская Группа
«Азбука-классика», 2010

Моей Жене Галине Ивановой
посвящается

Пухойной бес

Сказка о неудачниках

В одном сказочном посёлке жили...

Но сначала — о самом посёлке. Это был, пожалуй, даже маленький городок с пёстрыми домиками-будками и ухоженными зелёными дворами. На островерхих крышах юрко вертелись флюгера — жестяные петушки, собачки, кошечки, кролики.

Собственно, в этих домиках и жили-то лишь домашние животные, в основном собаки и кошки. Потому-то посёлок и сказочный.

В то ничем не примечательное утро какой-то котёнок перебегал улицу, беззаботно гонясь за пушинкой. И тут из-за поворота вылетел модный, старинного вида, автомобиль. За рулём сидел Петух с фотоаппаратом на шее. То ли проезжий турист, то ли заезжий репортёр.

Сосчитай,
сколько птичек
спряталось
в городке.

Он поспешно нажал на резиновую грушу сигнала, который хрипло проголосил: «Ку-ка-ре-ку!» Котёнок отпрыгнул прочь, и автомобиль укатил дальше по дороге, скрывшись в клубах пыли.

На необычный звук сигнала выскочил из будки на соседнем дворе неказистый лопоухий Пёс. Он тут же забарабанил лапами в дверцу ближайшего домика.

— Вставайте!

Сонно потягиваясь, наружу вылезли два кота: Чёрный и Белый. Так их все называли.

— Проспали! — вскричал Пёс. — Опоздали!

Они промчались через пустынный посёлок. И осторожно побежали по старому мостику, перекинутому через глубокий овраг.

Внезапно кот Белый, оступившись, чуть не провалился в прореху настила, но кот Чёрный удержал его на ходу.

Белый на миг глянул с опаской вниз — брр! Там петлял свирепый каменистый ручей, ныряя у поворота оврага под сукастый бурелом.

Пробежав мостик, друзья недоуменно остановились. На скамейках самодельных трибун, окружавших зелёный луг со спортплощадкой, никого не было!.. Только на отдельной скамейке, предназначенной для прессы, восседал Петух с фотоаппаратом. Всё-таки он оказался заезжим репортёром. Поодаль виднелась его машина. Видать, он заехал сюда кружным путём.

— Говоришь, проспали?! — проворчал кот Чёрный, уничтожающе взглянув на Пса.

Пёс отрешённо почесал задней лапой затылок. А Белый с восторгом заявил:

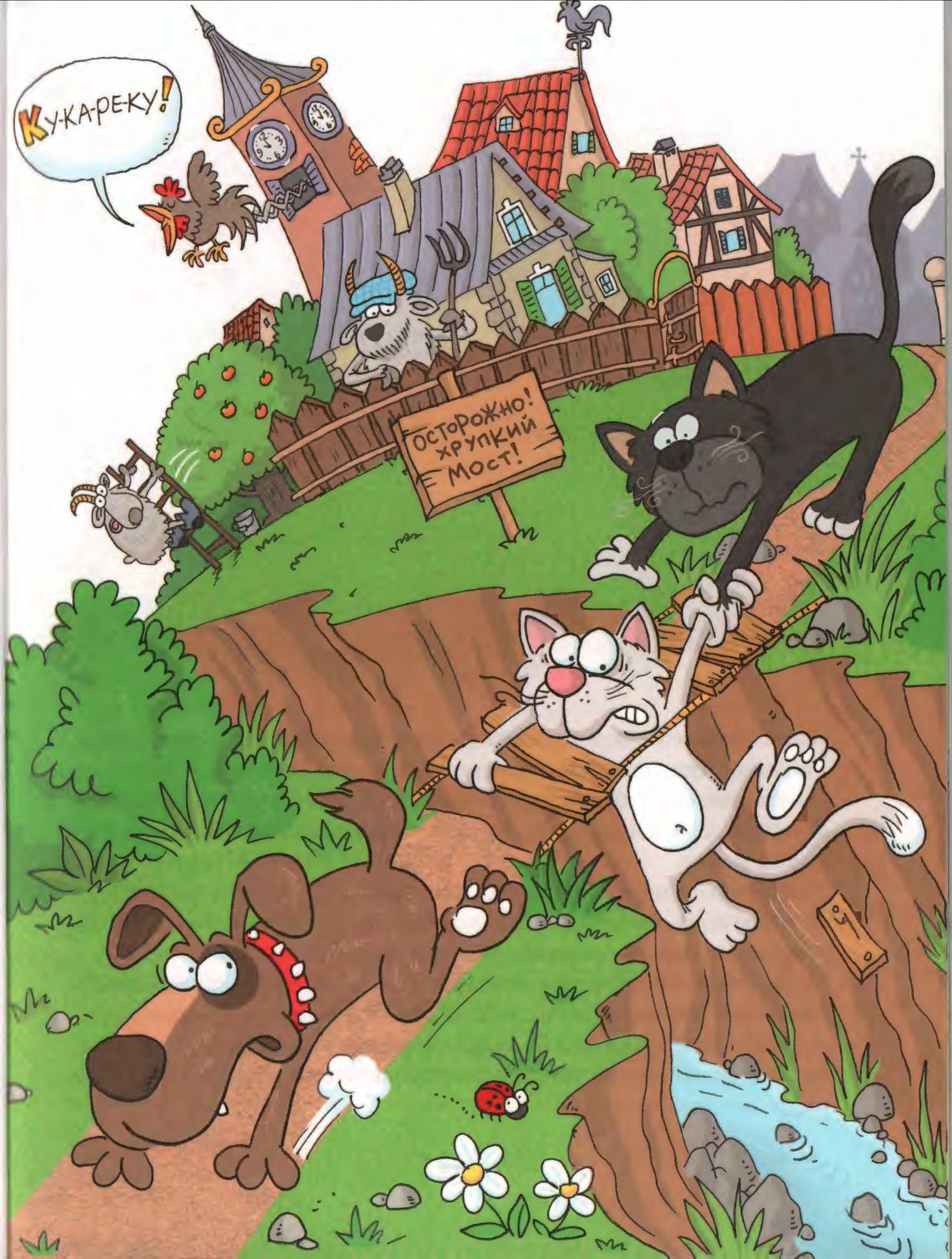
— Зато мы лучшие места займём!

Лишь теперь вдали на башенке посёлка открылось под часами оконце, и механический петух прокричал на всю окрестность: «Ку-ка-ре-ку!»

Вскоре повалили зрители. Собаки, кошки, кролики, гуси заняли все места на лавочках стадиона. Конечно, лучшие места

КУ-КАРЕКУ!

ОСТОРОЖНО!
ХРУПКИЙ
МОСТ!

наши друзья успели захватить. Но перед ними неожиданно сел на землю опоздавший, огромный, как шкаф, барбос.

Он заслонил собой начавшийся парад собак — участников Больших Собачьих Соревнований, о которых было объявлено ещё месяц назад.

Иногда барбос порывисто отклонялся то влево, то вправо. И тогда друзьям удавалось увидеть хоть краешек состязаний на площадке: чей-то прыжок, чей-то кувырок...

Зрители восторженными криками подбадривали выступавших. Они неудержимо болели за своих соседей по двору.

Когда изящный белый пудель совершил лихой пируэт на гимнастическом бревне, какой-то чернющий кот взвился в заднем ряду, истошно вопя:

— Уря-у! — И гордо заметил примолкшим соседям: — С моего двора! Я ему нарочно четыре недели дорогу не перебежал!

Барбос по-прежнему мешал друзьям смотреть соревнования. Тогда наш лопоухий сутулый Пёс, не сходя с места, вытянулся так, что стал намного выше ростом.

Теперь он всё видел отлично! Однако, вспомнив и про своих малорослых друзей, он заботливо посадил их себе на плечи.

Коты бурно переживали захватывающее зрелище: лезли выше, на самую голову Пса, дёргали его за уши и чуть ли не падали от восторга. Доставалось и задним зрителям. Кошачьи хвосты то и дело маячили у них перед глазами. И раздражённым болельщикам приходилось откидывать их в стороны, словно пушистые кисти на занавесе.

Пёс тоже переживал азартно: поднимал уши топориком, невольно выгибал грудь колесом, разворачивал плечи. Ах, как он, наверно, хотел сейчас быть на месте спортсменов!

Заметив это, коты Белый и Чёрный многозначительно переглянулись.

А на лугу маленький кривоногий французский Бульдог под рёв болельщиков взял рекордную высоту, прыгнув спиной через планку.

Зрители неистовствовали!

И вот состязания закончились. Председатель жюри — русский чёрно-пегий Спаниель наградил золотой медалью Бульдога. Раздался шквал аплодисментов!

Члены жюри — шотландский Колли в клетчатом берете, кавказская Овчарка в обширной кепке и многонациональная Дворняга в шляпе — объявили в блестящие звонкие рупоры:

— Всем, всем, всем дворам! Следующие Междворовые Соревнования Собак состоятся через месяц! Четвероборье! Скоростной бег, прыжки в длину, прыжки в высоту и спортивная гимнастика на бревне! Приглашаются все желающие! Победителю — переходящая золотая медаль!

Наш Пёс даже привстал.

— А что мы, хуже?.. — кивнул кот Белый на Пса. — От нашего двора выступит он! Он ещё и медаль у нас...

— У тебя, — хмыкнул Чёрный.

— У меня — получит! — твёрдо заявил Белый и обернулся к Псу. — Хочешь выступить за наш двор?

— Ещё бы не хочу! — расплылся в улыбке Пёс.

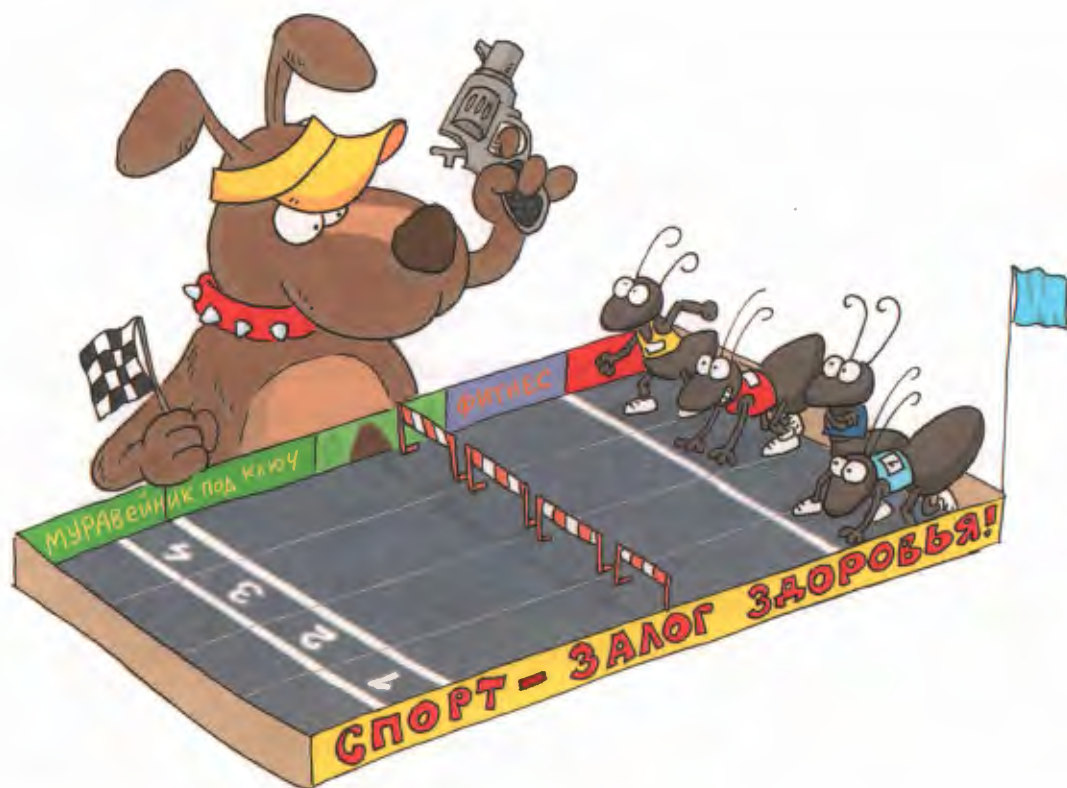
— Видишь, не хочет, — тут же заметил Чёрный.

— Он сказал: «Ещё бы не хочу!» — сурово посмотрел на него Белый собрат. — Значит, ой как хочет!

— Ой как! — торопливо подтвердил Пёс. — Да я за наш двор горы сверну!

— Давай я твоим тренером буду, а? — предложил Белый. Пёс замаялся, неуверенно пожал плечами и робко промолчал.

— Не желает, — усмехнулся кот Чёрный.

— Желает! — вновь рассердился Белый.

Маленький французский Бульдог проходил мимо, гордо неся на шее золотую медаль. Остановился и насмешливо сказал:

— Только его и не хватало!

Кот Белый угрюмо покосился на чемпиона.

— И сам не позорься, и свой двор не позорь, — посоветовал Бульдог лопухому Псу. — С твоими данными только на муравьиных бегах выступать.

И, хихикнув, важно удалился.

— Ещё посмотрим! — крикнул ему вслед раздосадованный Пёс.

— Поглядим! — яростно вторил ему кот Белый.

— И не увидим, — расхохотался, оглянувшись, Бульдог.

А кот Чёрный ничего не сказал. Он озадаченно почесал задней ногой затылок. Очевидно, по привычке, передававшейся ему от Пса.

Друзья остались одни на лугу. Кот Белый мечтательно посмотрел на Пса. И вдруг представил, как на шее у того засверкала медаль!

— Ничего у нас не выйдет, — мрачно сказал кот Чёрный.

Видение рассеялось — медаль тут же пропала.

— У него не выйдет? — возмутился Белый, внушительно указывая лапой на понурого Пса, глупо открывшего рот и развесившего уши. — У этого богатыря?!

Неказистый Пёс сразу преобразился: плечи раздвинулись, глаза засверкали, усы растопырились.

— Не знаю... — вновь засомневался Чёрный.

— А я знаю. Он — скрытый талант! — вскричал Белый. — И я его открою!

Первая тренировка состоялась на лугу на следующий же день, рано утром, когда посёлок ещё спал.

Кот Белый раскрыл толстый спортивный учебник, взглянул на рисунок и... рывкнул на Пса:

— Как сидишь?

Пёс мигом принял стартовую позу.

Белый моментально возвёл это в немыслимое достоинство:

— А! Гений!

— Дожил! — послышался чей-то язвительный голос.

Пёс и коты обернулись.

— Коты его тренируют! — ехидно продолжил маленький французский Бульдог, спортивной трусцой пробегая мимо них по дорожке.

Прямо со стартовой стойки Пёс в ярости погнался за обидчиком. Но Бульдог поднажал и, обидно хохоча, скрылся вдали.

Пёс вернулся, устало высунув язык.

— Займёмся бегом вплотную, — озабоченно сказал тренер Белый.

Велико же было изумление кота Чёрного после того, как он на мгновение отвернулся!.. Пёс бежал по кругу, а тренер сидел на нём верхом и, заглядывая в учебник, командовал:

— Ритмичней!.. Дыши ровней!.. Рули хвостом по ветру!

Затем после короткого отдыха занялись прыжками в длину. Пёс разбежался и прыгнул... на какую-то пядь, да и то покатылся кубарем.

Тренер удачно успел отскочить в сторону и одобрительно воскликнул:

— Замечательно! Ещё бы чуть-чуть...

— И от тебя бы ничего не осталось, — съязвил кот Чёрный, угрюмо наблюдавший за тренировками со стороны. — Он у тебя тройной бес: беспородный, бесталанный, бестолковый!

— Ничего подобного. Очень толковый! — нахваливал Пса тренер. Тренировки продолжались.

Увы, не зря сомневался Чёрный кот. Пёс плашмя упал с гимнастического бревна. Встал, отряхнулся, уныло махнул лапой и побрёл прочь.

Белый метнулся за ним, схватил его за хвост и потащил было к стадиону. Но Пёс, не оглядываясь, уходил, волоча за собой тренера.

— Гигант! — громко донёсся им вслед язвительный голос.

Это заявил, подтягиваясь на турнике, маленький французский Бульдог.

— Кто? Я? — сразу же со смущённой улыбкой оглянулся на него доверчивый Пёс.

— Ну конечно же ты, — поспешно увлѣк своего подопечного обратно на площадку тренер Белый.

Тренировки снова продолжились.

Вот Пѣс стремительно разогнался для прыжка в высоту.

— Не возьмѣт, — бубнил Чѣрный.

Пѣс лихо пролетел... под планкой, на которой сидел тренер с раскрытым на нужной странице учебником.

Маленький Бульдог только хихикал, потешаясь над ними:

— А тренер-то!.. Такого бы за хвост — и на крышу!

Тем не менее тренировки шли, то неудачно, а то и успешно, целый месяц.

Особенно не давались Псу прыжки в высоту. Частенько он ломал планку на лету грудью.

— Запомни, — как-то вмешался кот Чѣрный в тренерские права Белого. — Это лишь ленточку на бегу рвут, охламон!

— Бездарности, — привычно обозвал всех с гимнастического бревна Бульдог. — Кончайте это безнадежное дело, пока не поздно.

— Вообще-то, правильно, — вздохнул кот Чѣрный. — Даже мудро.

— А уж ты бы не мяукал! — прорычал на него Бульдог. Он решил, что над ним издеваются.

— Погавкай у меня! — обиделся Пѣс за друга.

— Тихо! Начнем сначала, — упрямо сказал кот Белый.

Накануне соревнований тренер собственноручно, а точнее, собственноручно искупал Пса в корыте и заботливо расчесал его шерсть большим гребнем. А уши деловито подправил резиновым клеем, чтобы не обвисали.

— Все равно провалится, — горестно заметил Чѣрный.

Белый гулко постучал себя по груди кулачком.

— Ты меня лучше не раздражай. Я страшен во гневе!

— Без гнева ты еще страшнее, — пробурчал Чѣрный.

Пѣс молча затрясся от смеха, но осекся под взглядом тренера и машинально принялся делать разминку.

— Не провалится, — одобительно кивнул Белый.

И вот наступил знаменательный день соревнований.

Собрались зрители, судьи, спортсмены.

Сначала участники прошли комиссию по экстерьеру. Вернее, отборочная комиссия — Колли, Овчарка, Дворняга — прошлась перед строем, придирчиво осматривая внешний вид спортсменов.

С изумлением уставилась комиссия на длинные, лихо торчащие уши нашего ухоженного Пса. Но тут её внимание, к счастью, привлёк чёрный Терьер, замыкавший строй: хвост в репьях, одно ухо вверх, другое вниз. Ему дружным жестом указали — вон отсюда!

Кот Белый толкнул локтем Чёрного.

— Видал?

Председатель жюри Спаниель ударил молоточком в гонг: начали!

Стремительный бег Пуделя... Щёлкают секундомеры в лапах членов жюри. Щёлкает затвор фотоаппарата у репортёра Петуха.

Коронный прыжок Бульдога через планку. Судьи поднимают таблички: «5+»! Пять с плюсом! Лишь один из них оценил достижение на «пять с минусом». Негодующий гул стадиона!.. Артистическое выступление Болонки на гимнастическом бревне. Она изящно пританцовывала, подбрасывая носом большой разноцветный мяч. Одобрительный рёв болельщиков!..

В конце концов дошла очередь и до нашего Пса, выступавшего последним.

— Не подкачай, родной! — заверещал кот Белый, когда его ученик разогнался для прыжка в длину.

Пёс приземлился далеко от черты. Но придирчивый Колли отмерил ему длину прыжка по хвосту, вытянутому назад.

Напрасно подбегал к ним тренер Белый, протестовал и заворачивал своему питомцу хвост кольцом, доказывая, что прыжок — рекордный. Колли был неумолим: правила есть правила!

Возмущённого Белого пришлось под лапы вывести с поля двум дюжим Доберманам-Пинчерам и усадить обратно на скамейку.

Псу продолжало не везти. Начав ошеломляющий пируэт на бревне, он сделал стойку прямо на ушах.

— Аж на ушах стоит! — ахнул кто-то в удивлённой тишине. Внезапно послышался ехидный возглас Бульдога:

— Смотри не упади!

Уши у Пса враз разъехались, и он закончил своё выступление под бревном. Ну а планку на рекордном прыжке в высоту он вообще умудрился унести с собой в зубах, чему и сам неимоверно поразился.

— Выше себя не бери! — опять крикнул Бульдог.

От бега же по кругу Пёс совсем отказался, настолько расстроился.

Зрители дружно зааплодировали. Но, конечно, не ему. Это Спаниель снова повесил всё ту же переходящую золотую медаль

на шею победителю — маленькому французскому Бульдогу. По сумме баллов он сумел всех превзойти: даже стремительного Пуделя и изящную Болонку!..

Чёрный кот в сердцах махнул лапой и грустно побрёл восвояси, на свой безмедальный двор.

Все разошлись. И так получилось, что на спортплощадке оказались только двукратный чемпион Бульдог, наш Пёс и кот Белый.

— Ты уж меня извини... — пробормотал коту Пёс.

Он вконец приуныл: уши обвисли, поникли усы, он стал меньше ростом.

— Нет уж, извини, ты меня извини, — горячился Белый. — Ты выступал хорошо. Я тренировал плохо!

— Прости... — продолжал бубнить Пёс.

— Нет, прости, ты меня прости. Таких тренеров, как я, надо бы за хвост — и на крышу. Не огорчайся, ещё потренируемся, и на следующий год медаль — наша!

Бульдог пренебрежительно фыркнул, потёр щекой медаль для большего блеска и гордой походкой отправился домой.

Они возвращались в посёлок втроём по старому мостику над глубоким оврагом — впереди Бульдог, спесиво задравший нос, позади понурые Пёс и кот Белый.

И вдруг чемпион, не заметив дыры на своём пути, шагнул и провалился сквозь настил.

Пронзительный вопль донёсся из глубины оврага. Падая, Бульдог угодил прямо на тонкое деревце над ручьём. Мгновение, и его подбросил спружинивший от удара гибкий ствол. Чемпион взлетел вверх, вынырнув перед растерянными спутниками, и вновь с воплем провалился в ту же дыру.

Разом склоняясь над ней, Пёс и Белый увидели Бульдога, застрявшего в рогульке деревца. Он безуспешно пытался высвободиться. Под ним свирепо бурлил каменистый ручей.

И тут наш Пёс бросился на помощь. Отчаянный прыжок вниз, и он ловко обхватил ствол деревца всеми четырьмя лапами.

Ствол размашисто помотался с ним и с пленником Бульдогом, описывая дугу от ручья до самого склона оврага, и наконец застыл, ещё ниже наклонившись к потоку.

Тогда Пёс встал. Двинулся, покачиваясь, вперёд по тонкому дрожащему стволу к попавшему в западню Бульдогу.

Чемпион продолжал дёргаться. Верхушка деревца с развилкой угрожающе затрещала.

Чудом сохраняя равновесие — это тебе не гимнастическое бревно, — Пёс ловко приблизился к Бульдогу.

— Держись, — и протянул ему лапу.

Чемпион изо всех сил рванулся к нему. Рогулька отломилась и вместе с пленником упала в шумный поток.

Пёс мигом соскочил на окутанный пенистыми брызгами камень на середине ручья. Неимоверными «прыжками в длину», с валуна на валун, спасатель кинулся вслед за Бульдогом. Но чемпиона неумолимо уносила прочь быстрая вода.

— Тону! Спасите! — вопил Бульдог. — Помогите!

Течение швырнуло его в просвет под буреломом, замыкавшим поворот оврага.

Наш Пёс оттолкнулся от последнего на пути камня. В головокружительном «прыжке в высоту» он перелетел через частокол бурелома. Очутился по ту сторону на другом валуне. И выхватил из бушующей воды незадачливого чемпиона, подняв его на рогульке. Словно сачком!..

...Кот Чёрный сидел и угрюмо вздыхал на пороге своего домика.

Во двор вошли Пёс и кот Белый.

— Эх вы, неудачники! — сокрушённо сказал им кот Чёрный и уничтожающе поглядел на кота Белого. — Особенно ты. Тренер называется!

— Да если б я его не тренировал... — с вызовом начал Белый и умолк.

С другой стороны во двор неожиданно въехал на своём модном автомобиле репортёр Петух. Позади него сидели мокрый дрожащий Бульдог и крупная собака Водолаз.

Петух, нажав на резиновую грушу, просигналил: «Ку-ка-ре-ку!»
— Вот он! — вскричал Бульдог, указывая на Пса.

Тот даже попятился. Петух и его пассажиры выскочили из машины.

Водолаз положил тяжёлую лапу на плечо Псу. И внезапно, широко улыбаясь, повесил ему на шею сверкающую золотую медаль на яркой ленте.

Петух суетился вокруг них и щёлкал затвором фотоаппарата.

— Догнал ведь меня, а? — Бульдог обеими лапами смущённо пожал лапу спасителю Псу, а затем уважительно потряс лапку оторопевшему коту Белому. — А Вы меня в следующий раз будете тренировать?

— Эх ты, мокрая курица, — сказал чемпиону Петух.

А кот Чёрный так и застыл на пороге, прищурившись и разглядывая буквы на медали.

— За спа-се-ни-е у-то-па-ю-щих... — пробормотал он. — Медали!

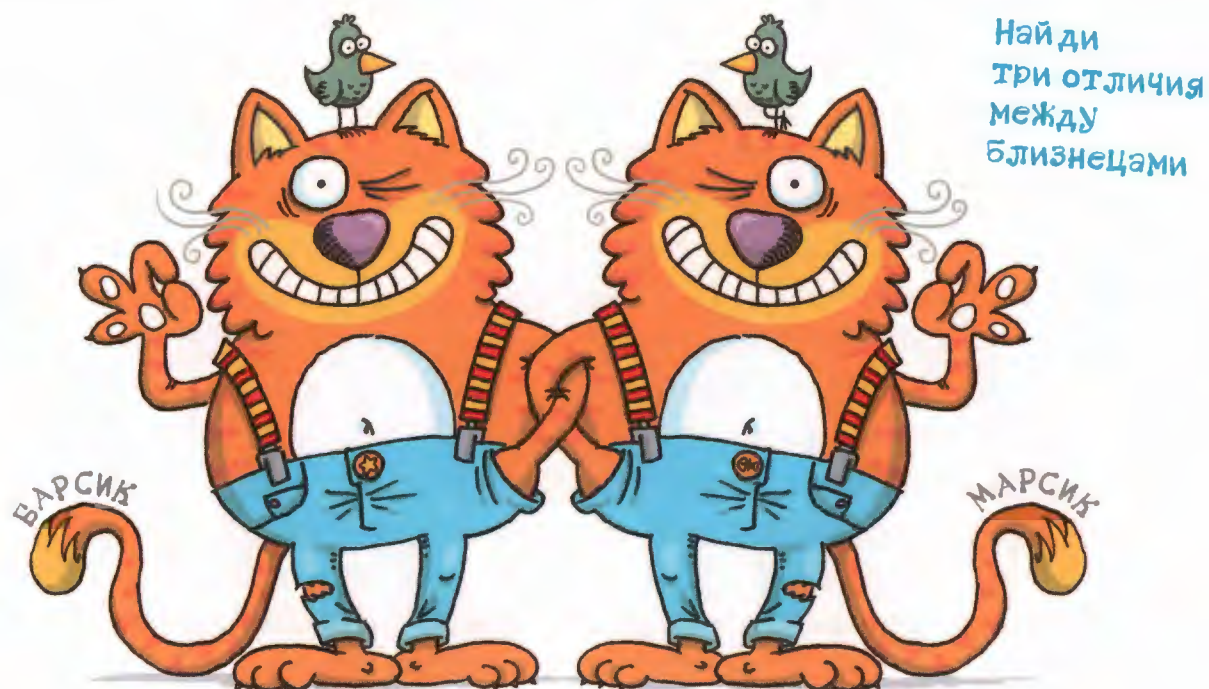
— Я же говорил, получим, — с достоинством произнёс Белый, — и прославимся.

Неказистый Пёс преобразился: грудь колесом, усы веером, уши топориком.

Новый щелчок фотоаппарата.

— В завтрашний номер газеты! — подмигнул Петух.

Истужкам

Вообще-то, про собак и кошек столько на свете историй, что все и не перескажешь. Пожалуйста, вот ещё одна.

Два рыжих кота-близнеца враждовали с огромным, мраморного окраса, догом по кличке Боб. А котов звали — Барсик и Марсик. Но всё равно не отличишь. Только они сами друг друга и различали.

Загнал их как-то дог Боб на соседнюю стройку. Там уже никого не было, конец дня, рабочие разошлись.

«Ну, тут я котов всласть погоняю! — думает Боб. — Некому за них заступиться! Только и знают орать: „Не смей маленьких обижать!“ Маленькие-то они маленькие, зато когти у них, как у больших. И хитрые-прехитрые. От них всего можно ожидать!»

Он как в воду смотрел. Досталось ему от близнецов на той стройплощадке. То они опрокинули на него со второго этажа бочонок с водой. То они, удирая, заставили его вляпаться

в тягучую смолу. То он, опять из-за них, чуть не свалился с бетонной балки в известковую яму.

Как же их не гонять после этого! Такие коварные! Прямо сами напрашиваются на хорошую трёпку!

Но самое ужасное было ещё впереди. Преследуя котов, он вбухался, окунувшись с головой, в ржавую ванну с жидким цементом. Они-то перескочили через неё, а он не рассчитал. Нарочно ему такую западню подстроили. Когда он прыгнул, они вдруг дружно закричали:

— Ой-ёй-ёй! Что у тебя позади?

Он и обернулся на лету. А тут впереди — ванна с цементом! Провели, как щенка!

Приняв цементную ванну, Боб вконец рассвирепел. Казалось бы, прыти должно прибавиться. Так нет. Движения его становились всё медленнее, пока он совсем не затвердел от цемента, встав на дыбы, наподобие статуи с загнутым вверх хвостом.

Наконец-то коты-близнецы, Марсик и Барсик, смогли передохнуть и вдоволь позлорадствовать над неподвижным изваянием.

— Так тебе и надо, истукан! — подмигивал ему Марсик. А может, Барсик.

— Стоять! — прикрикивал Барсик, а может, Марсик. И хваливал: — Молодец. Получается!

— Вылитый конь! — восторгался один.

— Не вылитый, а облитый, — уточнял другой.

— На тигра он тоже вроде похож.

— Полос нету!

— Намалюем.

— Слышь, а усы у него не обломятся? Больно хрупкие.

— Обломятся, другие приставим. От старого веника!

— Можно и проволочные воткнуть!

— Хорошо бы ему чубчик нарисовать.

— Ага. А щёки толчёным кирпичом подрумянить. И глазки угольком подвести.

— Для красоты? Годится!

— Да нет! Чтоб не узнали. А то его каждая собака знает.

— Эх! Был мраморный дог, а стал цементный!

У дога Боба только глаза в цементных дырках сверкают, а сам — ни с места.

— Смотри, не кусается, — смело прошёл под вскинутыми лапами истукана один из котов-близнецов.

— Куда ему! — взобрался другой близнец на твёрдый хвост дога.

Боб по-прежнему — ни с места.

— Мы его на клумбе поставим, — глубокомысленно изрёк Марсик. А может, и Барсик.

— А лучше — на крыльце! — заспорил Барсик. А может, и Марсик.

Представил себе бедняга дог, как стоит он в будущем на крыльце, как его пачкают голуби, как его белят каждую весну, как ремонтируют отвалившийся хвост.

Напрягся дог изо всех сил! По толстой корке цемента зазмеились трещины, и, тяжело ступая каменными лапами, он двинулся на котов.

Быстрее, быстрее... Лови, держи, хватай!

Последние куски цемента отскочили от шкуры, когда он рывком протиснулся за котами в прореху забора и загнал их в каменный угол.

Расставил Боб лапы, раскрыл свою жаркую клыкастую пасть:

— Сейчас вы узнаете, как меня злить!

— Если б мы тебя не разозлили, стоял бы ты век на клумбе! — нашёлся Марсик. А может, Барсик.

— Или на крыльце! — подхватил Барсик. А может, Марсик.

Боб даже пасть защёлкнул. И недоуменно почесал затылок кончиком хвоста с налипшим на него куском цемента.

А что, действительно!..

Тут примчалась какая-то чужая собака и с яростным лаем бросилась на котов.

Дог Боб одной лапой отшвырнул её прочь.

— Своих гоняй, — прорычал он. — А наших не трожь!

Крылатый слесьяк

Вот дела! Птицам в роще житья не стало от трёх ворон, задир-забияк.

Одна из них — Заводила, покрупнее двух других. Тутодум. Соображает не сразу. Но, если уж что-то решила, с пути не свернёшь!

Вторая ворона — этакая Подбивала, любила других науськивать, подбивать на разные пакости. А сама действовала исподтишка.

Третья, самая меньшая, — Нахалка. Чуть что, нагло в драку лезет. Особенно, когда старшие за спиной.

Роща, конечно, не лес. Не чащоба дремучая. Не тайга, словом. И не джунгли. Крупных храбрых птиц нет, чтоб за маленьких вступиться. Правда, рядом на озерце жили два журавля. Крупные-то они крупные, но не храбрые. Да и вообще их хата с краю.

Вот и приходилось терпеть птицам: каждая по-своему от ворон спасалась. А те вконец обнаглели, распоясались. Мало им

птиц, так даже и за мелких зверей принялись. То на зайца с дерева целое ведро холодной воды выльют — бегай мокрым, дрожи, грейся! То вдруг с ножницами за ежом, хохоча, гоняются — постричь хотят. Зарос, мол, иглами с головы до пят!

Такое вытворяют!..

Ну, насчёт ведра и ножниц — это, вероятно, и преувеличение. Но ведь и без ведра можно зайца как следует водой окатить, если после дождя потрясти над ним ветки. А что касается ножниц, то их можно где-нибудь на свалке найти: старые, конечно. А то можно и без всяких ножниц кружить над ежом, настырно повторяя: «Где это мои большие ножницы? Держи его!» Потом всем и заяц, и ёж о ведре и ножницах такого понарасскажут! Как тут не поверить!

Но это всё, так сказать, присказка. Наша сказка — не про ежа и зайца, а про двух приятелей, Чиж и Щегла. Имена у них такие: чижа звали Чиж, а щегла — Щегол.

В одно прекрасное летнее утро... Впрочем, утро — всегда прекрасное, особенно летом.

Представьте себе: зелёная приветливая роща. С краю — озерцо с кувшинками. Соловей встречает утро задорной трелью. Скворец запел, потягиваясь на жёрдочке у входа в скворечник. Пёстрый дятел, высунув голову из дупла, ритмично застучал по коре клювом. Пронеслось над озерцом курлыканье журавлей.

И Чиж со Щеглом включили в общий хор свои рулады.

Красота!

Но вот с одинокого сухого дерева вдруг раскатилось громогласное «Карр!» Это проснулись в своём большом мрачном гнезде три вороны.

Сразу спрятались: и соловей, и скворец, и дятел, и Чиж со Щеглом. Даже журавли приумолкли, хотя у них хата с краю.

А вороны захохотали во всё горло на всю рощу:

— Карр-ха-ха-харр! Карр-ха-ха-харр!

Ворона Подбивала толкнула в бок ворону Заводилу. Та, ухмыляясь, достала из-под сучьев здоровенную рогатку — давно на свалке нашла — и заложила в неё горсть крупных желудей.

Подбивала и Нахалка, отлетая от гнезда, стали натягивать резину с зарядом.

А Заводила, прищурив глаз и выбирая цель, тем временем направляла рогатку: то на дупло, где скрылся дятел, то на гнездо журавлей в камыше озерца, то на скворечник.

— Карртечью! — гаркнула она.

И две вороны с треском отпустили резину.

Жёлуди, грохоча, ударили по скворечнику. Домик затрясся! Жёрдочка отвалилась и упала наземь. А сам хозяин скворец, выскочив наружу, опрометью умчался вдаль.

Вороны вновь оголтело захохотали.

Высунул голову из дупла встревоженный сосед скворца — дятел. Новый залп: на этот раз мелкими лесными яблоками-дичками. Одно яблоко так и нанизалось прямо на острый нос дятла! Он даже клюв не мог раскрыть, чтоб возмутиться.

Уносясь подальше, дятел пытался на ходу сдёрнуть обеими лапками украшение с носа.

Вороны опять довольно загоготали.

Теперь Заводила целилась из рогатки то в гнездо Чиж, то в гнездо Щегла.

Они оба, не мешкая, раздвинули каждый дно своего гнезда и, нырнув, так сказать, в запасной выход, исчезли в чаще.

К вечеру в роще, казалось, всё поуспокоилось. А когда совсем стемнело, болтливые сороки натянули цветные нитки большим квадратом между четырьмя соснами над полянкой. На нитки уселись яркие светлячки. И возникла как бы воздушная танц-площадка с крошечными лампочками.

Вот и оркестр — засвистали соловьи, затрепал коростель, дятел-барабанщик застучал клювом по дереву.

Закружились над танцплощадкой нарядные синицы, снегири, корошки и ласточки в своих строгих фраках.

Чиж и Щегол тоже весело танцевали среди птиц. И всем тут было просторно: никто никому не мешал — взмывали вверх, проваливались вниз, беззаботно кувыркались.

А невдалеке, над гладью озера, изящно танцевали журавли.

Неожиданно веселье нарушилось — появились три вороны! Они заглушали музыку хриплыми возгласами. Оглушительно хлопали крыльями. Отплясывали дикий вороний танец. Отшвыривали других птиц в стороны. Бесновались вовсю!

Затем они устремились к журавлям. И стали бешено мотаться вокруг них, хрипло голоса разухабистую песню. Журавли не выдержали и с достоинством улетели.

Вновь вернулись на танцплощадку вороны. Захватили в свой дурацкий хоровод какую-то синицу. Бросали её друг к другу и вопили:

ТЫНЦ!
ТЫНЦ!

THE
DYATELS

— Лучше синица в лапах, чем журавль в небе! Карр-ха-ха-харр!

Возмущённый Чиж попытался вступить за неё.

— Как вам не стыдно! — пропищал он.

— Дай ему дрозда! — заверещала Подбивала.

Заводила тут же схватила с ветки замершего в испуге дрозда и замахнулась им на смельчака Чижа.

Но дрозд сумел вывернуться. С писком выскользнул он из цепких лап вороны.

Тогда Заводила с криком «Бей карр-о-тышку! Каррамба!» дала Чижу такой подзатыльник, что тот, кувыркаясь, упал в траву.

Все птицы разлетелись, даже светлячки исчезли. Лишь вороны, мелькая своими чёрными силуэтами на фоне луны, продолжали вертеться с душераздирающим криком.

— Смелый-то ты смелый, — помог встать Чижу друг Щегол. — Да куда тебе с ними тягаться!

Добрыми почему-то чаще всего бывают слабые и неумелые.

На следующий день летели по своим птичьим делам Чиж и Щегол и увидели, как маленький королёк, с трудом трепеща крылышками, тащит пучок сухой травы для своего гнезда.

— Давай поможем! — бодро предложили ему на лету Чиж и Щегол.

Но, увы, они так неловко попытались подхватить траву, что её развеяло по ветру.

— Такие неуклюжие! — вздохнул королёк.

Затем они хотели помочь скворцу поднять сбитую вчера жёрдочку. И не смогли. Тяжело.

— Слабаки! — буркнул скворец.

По пути домой друзья неожиданно столкнулись в воздухе с вороной Заводилой, нарочно не уступившей дороги, хотя левый поворот давал им преимущественное право на свободный полёт. Да так стукнулись, что оба свалились на голову дятлу!

— Ах! Ах! — вскрикнули они.

— А-ах!.. — передразнил их дятел. — Летуны аховые! Лучше бы спортом занялись!

— А что? Может, дятел и прав, — задумчиво рассуждал Чиж, уныло сидя в своём гнезде. — Спорт — это...

— Это не то! — перебил его Щегол из гнезда напротив. — Не нам с тобой ворон в небе ловить. Орлом всё равно не станешь!

— Орлом не орлом, а всё-таки не чижином!

— Лучше я себе всяких укрытий понаделаю, — откликнулся Щегол. — Тогда меня никто не тронет. Найти не сможет, понял?

И принялись они каждый за своё. Чиж на ветке, как на турнике, подтягивается: по-своему, конечно, по-птичьи. А Щегол своё второе, потайное, гнездо в кустах вьёт.

Чиж фигурами высшего пилотажа в небе занимается: «мёртвая петля», «бочка», «затяжное падение», «виражи»... А Щегол новые укрытия сооружает.

Таблица воздушных знаков (для птиц)

«Дети»

«Дупло занято»

«Низко летящие хищники»

«Осторожно! Стекло!»

«Пора лететь на юг»

«Ограничение минимальной дистанции в клине»

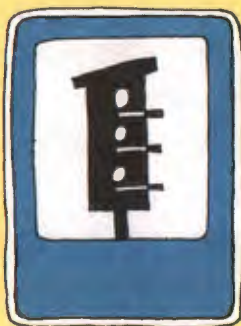
«Не каркай!»

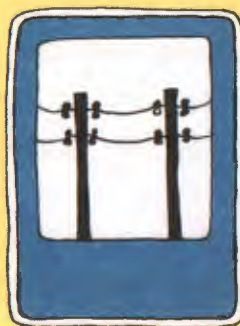
«Обгон запрещён!»

«Стоянка запрещена»

«Кемпинг»

«Зона отдыха»

«Пункт питания (только для уток)»

Не сразу всё у Чижá выходило. Поначалу он больше двух раз на ветке подтянуться не мог. И однажды с налёту, выходя из «мёртвой петли», в стог врѣзался.

А как-то он спикировал прямо в озерцо — еле выбрался!.. Там его внимание вдруг привлекла длинная железная труба, которая пересекала дно озерца: в неё впадал тонюсенький ручѣёк, а с другого конца на том берегу из неё струился крохотный водопадик.

Чиж с интересом заглянул в трубу, что-то изучая и примериваясь. И даже не спеша прошѣл её насквозь — совершенно благополучно, разве что лапки замочил.

День за днём упорно тренировался Чиж. А Щегол до того дошѣл, что нору себе стал копать!

Наступила осень.

Ходили как-то по поляне Чиж и Щегол, семена клевали. Внезапно накрыли их три чѣрные тени:

— Карр! Карр-а-пузы! Карр! Карр-о-тышки!

— Спасайся! — вскричал Щегол, бросаясь к своему ближайшему укрытию.

Над его головой так и засвистели жѣлуди, выпущенные из рогатки.

Взмыл Чиж стремглав в небо и выбил рогатку из лап Заводилы.

Ринулись вороны за смельчаком в погоню.

А Щегол бочком выскочил из своего укрытия, мигом засыпал рогатку пожухлыми листьями и вновь спрятался.

Преследуют Чижá вороны, издеваются:

— Карравай, карравай, кого хочешь выбирай!

Делая «мёртвую петлю», Чиж перевернулся на спину и изо всех сил лягнул в живот Подбивалу, а затем на вираже — и Нахалку.

— Карраул! — трепыхаясь, завопили они. — Беррегись!

— Рразини! — И Заводила растопырила когти, пытаясь схватить увѣртливого Чижá. — Окружай!

Чиж лихо пронёсся между её лапами. Заводила с налёту саданулась лбом о дерево. Да так, что филин из дупла выпал! Опомнившись, вороны продолжали преследование.

— Крепкий черреп! — изумлённо похвалила себя Заводила, потирая на лету шишку.

Куда там было жалким воронам до виртуоза Чижа! Совершая фигуры высшего пилотажа, он заставлял их то и дело сталкиваться друг с другом. Только перья летели!

Виток за витком живая спираль — беглец и погоня — уходили высоко в небо.

«Затяжное падение»! Чиж камнем упал вниз — и вдруг уселся на шею Заводиле. Прямо-таки оседлал!

— Бррысь с меня! — истерично мотала она головой, крутилась и брыкалась.

Крепко держался Чиж на её шее. И всё же она так взбрыкнула, что наездника подбросило вверх. Очертил он в небе круг. Опять настигает погоня, у ворон-то крылья куда больше!

Что делать?

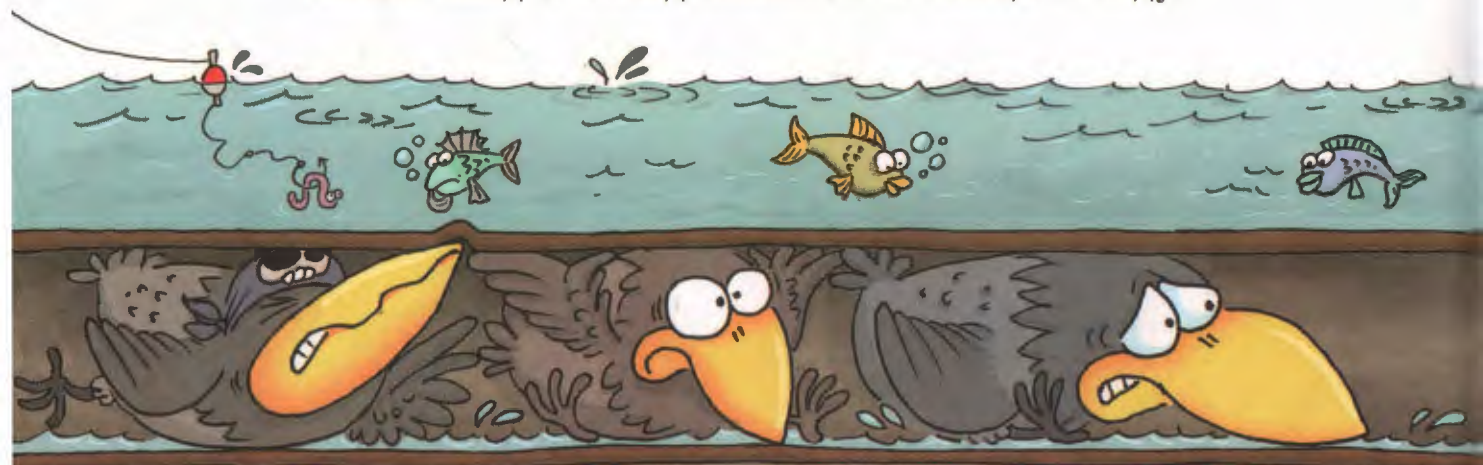
Тогда-то ему и пригодилась та длинная железная труба, что проходила под озерцом. Чиж спикировал прямо в неё. Вороны наперегонки ринулись вслед за ним.

Пролетел Чиж всю трубу насквозь! А преследователи застряли всем скопом где-то в ней, на дне озера.

— Вперрёд! — несётся из трубы, как из рупора. — Назад! Ни вперёд, ни назад. Крепко засели.

Тут и Щегол, выскочив из укрытия, прилетел. И громко, у выхода из трубы, Чижу советует:

— Глиной вход и выход замазать! И концы в воду!

Настороженно прислушивались внутри трубы вороны. Шевельнуться не могут. Запечатало!

— Замурруют... — простонала Заводила.

— Не нравится? — крикнул в трубу Щегол.

— Помогите! — взмолилась Заводила. — Больше не будем!

— И меньше — тоже! — голосили другие.

— Жалко их, конечно, — вздохнул добряк Чиж.

— Верно говоришь, — всхлипнув, поддакнула внутри трубы Заводила. — Прропадём!

— Прпростите! — причитали Подбивала и Нахалка.

Поднялся высоко Чиж, разогнался... И с такой скоростью влетел в трубу, что пленниц ворон, будто затычку, выбросило наружу. А затем и сам небрежной походкой вышел.

Лежат вороны на спине, лапами кверху, еле дышат.

— Что это с ними? — с опаской спросил Щегол.

— Ничего, — отмахнулся Чиж и лукаво улыбнулся. — Тренироваться надо — вот чего!

Весело смотрели с деревьев птицы — жители рощи, как, переваливаясь с боку на бок, тяжело улетали прочь вороны. Улетали навсегда, стыдливо вжимая головы в плечи. Превратились в точки и пропали на горизонте.

— Прощайте! — насмешливо «прокаркал» из оконца своего домика скворец.

Чиж спустился вниз, ловко взял под деревом жёрдочку от скворечника и легко поднял её вверх к изумлённому хозяину.

А вечером на воздушной лесной танцплощадке, между четырьмя соснами, снова весело танцевали птицы. Журавли на озерке тоже не отставали, выкидывая изящные коленца. Пение, смех, музыка голосов!..

— А ты чего? — звал Чиж своего друга Щегла повеселиться.

— Некогда, — пыхтел Щегол.

Он сосредоточенно, как когда-то Чиж, подтягивался на ветке, словно на турнике. По-своему, конечно. По-птичьи.

Клетка

Проснулся в своей норе на охапке сена толстый хомяк Хома. Встал, потягиваясь, и зашагал вперевалку по подземному ходу.

Осторожно высунулся наружу и стал оглядываться.

Это раннее утро, казалось, не предвещало никакой опасности. Пустынны были и небо, и луг, и сквозная роцца поодаль. И на берегу ручья среди кустов ивняка — вроде бы никого.

Хома опять недоверчиво осмотрелся. И вздрогнул! Оттого, что из соседней норы голова Суслика вынырнула. Он тоже вздрогнул, внезапно увидев соседа.

— Доброе утро! — поздоровался Хома.

Суслик кивнул, уняв дрожь, и продолжал зорко оглядываться.

— Ещё неизвестно, доброе ли оно, — пробурчал он.

Хома, храбрясь, раздул щёки и пренебрежительно фыркнул. И даже вылез из норы по пояс и гордо скрестил на груди лапы. Суслик неодобрительно покачал головой.

По земле между ними пробежала зловещая крылатая тень.

Друзей словно ветром сдуло! Они мгновенно провалились под землю.

Из глубины норы, сквозь чёткий кружок входа, Хома увидал в небе грозного Кобчика. Меньшего собрата из хищной семьи коршунов.

Вздохнул щекастый Хома, зашагал обратно по подземному ходу и — что ж ещё делать? — снова плюхнулся на охапку сена.

И тощий долговязый Суслик тоже вновь завалился спать у себя в норе.

А Кобчик низко покружил над их норами, разочарованно повернул и растаял вдали.

Затем по лугу пробежала Лиса. Склонилась прямо над норой Хома. И стала жадно нюхать воздух.

От её мощного дыхания Хома, спавший в глубине норы, то отодвигался, то снова придвигался вместе с постелью к стене.

Затем Лиса жадно задышала у соседней норы.

Дремавший в подземелье Суслик чутко открыл глаза и испуганно ухватился за свисавший с потолка корешок.

Лиса втянула в себя воздух, и задние лапы Суслика подняло вверх. Затем их опустило вниз, когда она выдохнула. Лиса стала суетливо рыть землю, расширяя проход. Но нора тянулась глубоко, и вскоре она бросила бесполезное занятие.

Тявкнула сердито Лиса и побежала по лугу дальше.

А Хома тем временем опять проснулся.

И, потягиваясь, снова высунулся из норы.

Никого. И на лугу, и в роще, и в небе вокруг.

Тихо... Лишь звенели кузнечики да журчал неподалёку ручей.

Посмотрел Хома на ручей, облизнулся. Уж очень ему пить хотелось, иначе бы он не вылез. Выбрался Хома и заспешил к ручью.

Прибежал на берег, торопливо попил и даже умылся: плеснул себе горстку воды в мордашку и лапой растёр.

Выглянул из своей норы и Суслик. Увидел соседа возле ручья. Тоже облизнулся, тоже пить захотелось.

Вылез. А идти боится. Сделает три робких шажка и застынет столбиком.

А Хома, осмелев, ему лапой беспечно машет: иди, мол, скорей, пока нет никого!

Решился Суслик, стремглав подбежал, жадно приник губами к воде.

А вокруг — красота, тишина, покой.

Но Хому и Суслика не проведёшь. Нет-нет да и оглядываются по сторонам.

Хома решил ещё попить — впрок.

Звонко плеснула рыба, и друзья привычно вздрогнули — вся шерстка дыбом!

Только снова наклонились к ручью, опять вздрогнули. А это лишь какой-то важный жук-жучок, прогудев, мимо пролетел.

Сорвалась с ветки капля росы в ручей — пок! Хома так и присел!

Тишина. Лишь ручей журчит да птички чирикают.

Вновь склонился Хома попить, увидел своё взъерошенное отражение, намочил лапу, стал чуб приглаживать.

И вдруг на дно ручья устался. Что-то рассматривал, ещё ниже нагибался, словно собирался нырнуть.

— Чур, первый нашёл! — вскричал он и лапами рот себе зажал.

Снова с опаской оглянулся, зашёл в ручей, нашарил что-то под водой и давай тащить.

Пыхтит, отдувается, бормочет:

— Ишь, как увязло! Бросил бы, да жалко. Вдруг что-то ценное!

Поднатужился — и бряк прямо на берег с птичьей клеткой в лапах. Вся она была в иле и в тине.

Прополоскал её Хома в ручье. Посмотрел, ржавую дверцу открыл, даже внутрь заглянул — ничего ценного.

Но выбросить было жалко.

— Хорошая клетка, — задумчиво молвил Хома.

— Зачем она тебе? — прошептал Суслик. — Ну её!

— Ну — тебя! — рассердился Хома, по-хозяйски взваливая клетку на спину. — Может, пригодится.

Внезапно Суслик истошно вскричал: «Лиса!» — завидев рыжую хищницу, выскочившую из рощи, и опрометью кинулся домой.

Хома бросил клетку, замешкался, дорогие мгновенья потерял. Суслик уже в норе скрылся. А Хоме — куда? Некуда! Впереди — Лиса, позади — вода.

Мчится на Хому Лиса!

Вот и метнулся он от отчаяния прямо в клетку. И дверцу защёлкнул. Чуть лисий нос не прищемил!

Разъярилась Лиса! И так и сяк пробует клетку открыть. Ничего не получается — лапа велика, внутрь не пролезает.

А Хома в клетке дрожит как осиновый лист.

Попробовала тогда Лиса железные прутья перегрызть. Напрасное дело: грызёт — только искры сыплются, а толку никакого.

А Хома всё дрожит, знай лапу слюнит — искры гасит.

Крак! Лиса клык сломала. Отлетел её белый острый зуб в клетку к Хоме. Села мрачно она, подбородок лапой прижала.

— Можно я его, — взял лисий клык Хома, — на шее носить буду, на счастье?

Лиса лишь злобно сверкнула глазами и застонала. Сорвал Хома снаружи какую-то травинку и протянул ей сквозь прутья.

— Шалфей! Очень от зубов помогает. От лишних, — уточнил он.

Размахнулась она когтистой лапой и так ахнула по клетке, что сама затрясла лапой от боли. А Хоме в клетке хоть бы хны!

— Да-а... Теперь заживём! — расхрабрился он. — Пока!

Помахал Хома Лисе на прощанье, наклонил клетку, продел ноги сквозь прутья, приподнял её немного — и потопал себе восвояси.

Лиса, выпучив глаза, смотрела ему вслед.

Небрежно посвистывая, шёл Хома домой. Довольный!

Дрожа и озираясь, стоял столбиком у своей норы Суслик. Неожиданно — о ужас! — из густой травы появился какой-то решётчатый конус с тёмной фигурой внутри.

— Ах! — Хлопнулся Суслик в обморок.

А быстроногая Лиса опять тут как тут — хватъ его!

И вдруг сзади — грозный крик:

— Отпусти Суслика!

Это Хома, сложив лапы рупором, из клетки проорал.

Выронила Лиса с перепугу добычу. Суслик, мигом очнувшись, взвился в прыжке и удачно провалился в свою нору.

— Опять ты? — узрев Хома, простонала Лиса и постучала себя когтем по лбу. — Одиноклеточный!

И, величаво махнув хвостом, с достоинством удалилась. Чего это ей стоило!

А Хома вылез из клетки и почему-то принялся свою нору расширять. Лапами заработал, земля так и посыпалась.

Удивлённо смотрел Суслик, как из норы Хома вылетают комья земли.

Затем, пыхтя, и сам хозяин выбрался, забрался в клетку и мелким шажком просеменил перед потрясённым соседом. Туда и сюда. Каково!

Суслик захлопал в ладоши.

— Удобно, — с завистью сказал он. — Изумительно и замечательно! И поразительно!

— Изумительно, замечательно, поразительно... — передразнил его Хома. — Бе-зо-пас-но!

И легко пролез вместе с клеткой в свою расширенную нору. И там, прямо в клетке, прилёг отдохнуть.

Но этим всё не кончилось.

Вечером под одинокой берёзой на лугу Хома и Суслик всякие зёрнышки собирали. Ужинали. Есть-то надо.

Хома выглядел великолепно: в клетке, украшенной ромашками, и с лисьим зубом, привязанным к травинке на шее.

Раздвинув ветки куста, пристально наблюдала за ними притаившаяся неподалёку Лиса.

Трудно, конечно, Хоме с непривычки в клетке ходить и зёрна искать. Суслик нет-нет да и просунет ему сквозь прутья лакомые травяные зёрнышки. По-соседски, по-дружески.

Издали, из тёмной рощи, донёсся волчий вой.

— Боюсь, — задрожал Суслик.

— За меня не бойся, — усмехнулся Хома.

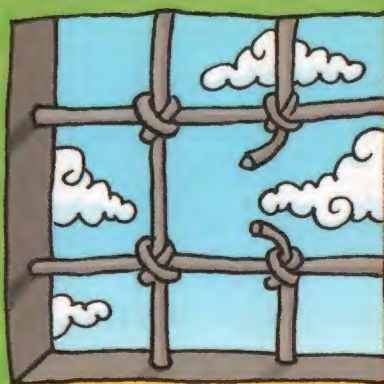
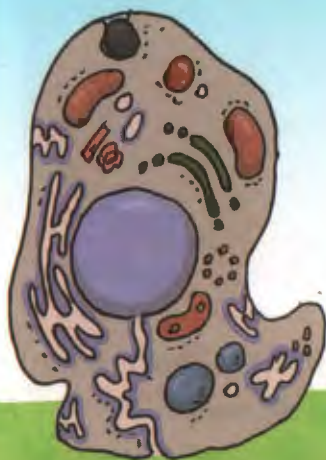
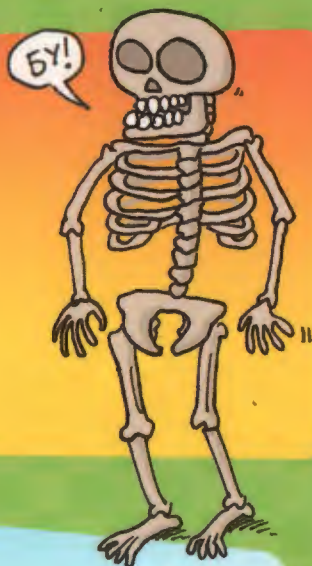
— Каким ты смелым стал! — восхитился Суслик.

— Ага, — согласился Хома. — Раньше у меня просто клетки не было.

Клетки, клетки, клетки...

Где какая клетка? Расставь правильно в кружочках цифры от 1 до 6.

- 1) Одноклеточный организм. 2) Модные штаны в клетку. 3) Небо в клеточку. 4) Шотландская клетка «тартан». 5) Шахматная клетка. 6) Грудная клетка

А Лиса тем временем бесшумно поползла вперёд.

Внезапно увидел Хома: идёт на него кто-то на передних лапах, голова внизу, задние лапы вверху!

— Ох! — ужаснулся Хома внутри клетки.

— Да это я! — торжествовал Суслик, вновь становясь на задние лапы. — Давай играть!

И начали они играть в чехарду.

Первым Хома попытался через Суслика прыгнуть. С клеткой ничего не получается.

Смеётся Суслик:

— Прыгать не умеешь!

Обидно такое слышать.

А Лиса всё ближе подкрадывается.

Разогнался как следует Хома и прыгнул. Да так, что не только через Суслика перескочил, но ещё и огрел своей клеткой ползущую Лису по макушке!

Взвыла Лиса. Суслик тут же удрал. А она схватила клетку, бешено раскрутила её и швырнула вдаль.

Лежал себе в роще под деревом серый Волк, в небо смотрел. Наверно, звёзды считал.

Внезапно над ним какой-то решётчатый конус пролетел с тёмной фигуркой внутри.

— На посадку пошёл, — пробормотал Волк. — Пришелец! Срезанный клеткой сук больно стукнул его по носу.

Сидел себе мирно Медведь на брёвнышке возле своей берлоги, устроенной под корнями дуба.

И тут словно взрыв раздался!

Это Хома в клетке прямо в медвежью берлогу угодил, пробил её насквозь и покатился по косогору.

Дуб так и рухнул! Еле-еле успел Медведь отскочить!

А клетка с Хомой, бывает же, прикатилась к норе Суслика. Такое вот кругосветное путешествие.

— Прыгать — тоже уметь надо! — гордо сказал Хома выглянувшему Суслику.

— Я тобой горжусь, — только и смог сказать лучший друг.

— Теперь Лиса меня за километр обходить будет. Или за два!

— А можно и меня... за километр? А лучше за два! Скажи ей, а? — попросил Суслик.

— Утром напомни, — важно ответил Хома. И скрылся в норе, вместе с клеткой.

В это время Лиса, Волк и Медведь собрались на совет. Возле разрушенной берлоги.

— Какой-то хомяк!.. — возмущалась Лиса. — Что хочет делает, и ничего с ним сделать нельзя!

— Меня с носом оставил! — пожаловался Волк, показывая на носу шишку.

— Сделаем так, — грозно произнёс Медведь. — Пойдёшь, Лиса, завтра к нему...

И зашептал ей что-то на ухо.

Всю ночь Хома спал. Безбоязненно.

А утром смело пошёл купаться. Вместе со своей клеткой, конечно.

Зашёл в ручей по грудь. То присядет, окунаясь с головой, то вынырнет внутри клетки.

Уфф — исчез. Пфф — появился. Красота, кто понимает!

Вернулся к своей норе. А там его Лиса поджидает. Помахивая хвостом, она подъюлила к нему.

— Хома, а Хома, — ласково обратилась Лиса, — шуму от тебя много, тихоня. Все тебе завидуют... Даже Кобчик про тебя знает. Ему сверху всё видно. Мы тут посоветовались с Волком и Медведем: твой дурной пример — заразительный. Мы тебя теперь и когтем не тронем, брось только свою проклятую клетку!

— Она мне дороже жизни, — напыжился Хома. — Жизнь нынче дорога. Очень!

— Напоминаю! — глухо донеслось из соседней норы.

— Да... Суслика больше не гоняй, — внушительно приказал Хома.

— Что?

— Не обижай Суслика! — во всё горло завопил Хома. И вконец разошёлся: — Вольному — воля! Свободу — всем! Каждому — по клетке!

Лису даже передёрнуло.

— Хомло! — процедила она и затрусил к роще.

Выскочил из норы Суслик. Попытался Хому вместе с клеткой обнять:

— Ты настоящий друг, Хома!

Прошло несколько дней.

Вылез Хома однажды утром из норы, как всегда, в клетке. Зевнул, потянулся, кулачками глаза протёр. Глянул и остолбенел!

Висят на ветках одинокой берёзы клетки с птицами. На дупле у Дятла — решётка. На входе в нору Суслика — тоже.

А вскоре Хома и про Лису, Волка и Медведя кое-что узнал.

Пришла Лиса, одетая в деревянную клетку, к новой берлоге Медведя. Он в ней что-то доделывал: толстые сырые колья для решётки то гнул, то придирчиво выпрямлял.

— Не понимаю, — томно заявила Лиса. — Я Волка побаиваюсь, а он — вас. Ему, так и быть, клетка нужна. Видела я его в ней. Глупый у него там вид. Но вам-то это зачем?

— На всякий случай, — пробасил он. — Что я, хуже других?

И проводил взглядом Божью коровку — та ползла, в своей крохотной клеточке, по крупной решётке входа в его берлогу.

...Уныло смотрел теперь Хома из клетки на луг и на небо. Кобчик пролетел — в диковинной клетке, — только для крыльев побольше отверстия были.

Все — за решёткой!

Вдруг какой-то свободный Комар-одиночка с нахальным зудом влетел к Хоме в клетку. Тот озабоченно завертел головой.

— В клетке, а боится, — язвительно пропищал Комар.

— А ты-то почему без клетки? — вскричал Хома.

— Я нездешний! — Ключнул Комар его в нос — и прочь.

— А-а! — завопил Хома и погнался за ним.

Но с клеткой — побегай, тяжело всё же. В ярости распахнул он дверцу и выскочил наружу.

— Ты куда? — заверещал Суслик из-за своей решётки.

Затоптался Хома на месте:

— Такого комара упустил...

— Вернись в клетку! — крикнул Суслик.

Поглядел, поглядел Хома по сторонам и хитро улыбнулся.

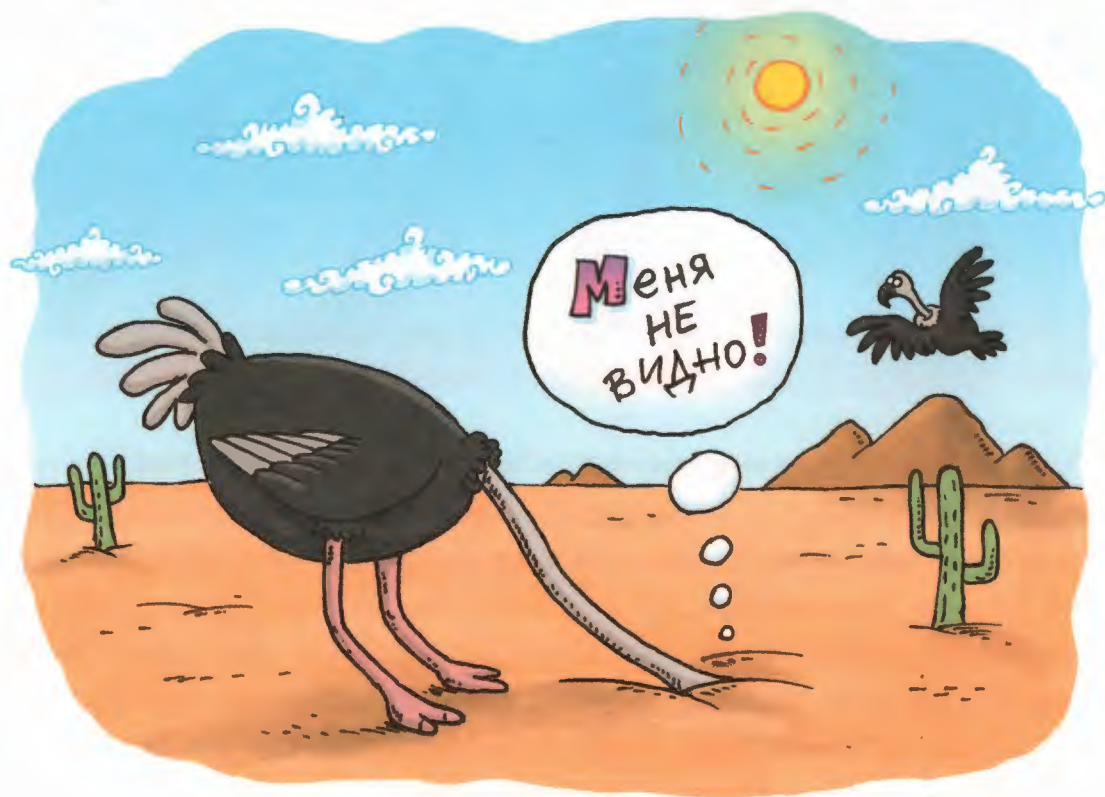
— Ну, если уж все теперь в клетках, мне-то она зачем?!

Снял с шеи лисий клык на травинке, лихо раскрутил и бросил его далеко — на счастье.

И весело побежал свободный Хома под вольным небом по привольному лугу.

Крылья, ноги и хвосты

В пустыне, где часто встречаются страусы и лишь изредка грифы, встретились однажды Страус и Гриф.

Гриф стремительно прилетел откуда-то с дальних гор. Страус тут же голову в песок сунул по трусливой привычке.

Посмотрел на него неодобрительно Гриф и мигом сцапал своим хищным клювом какую-то любопытную Ящерицу. Она вертелась поблизости, и ей было любопытно, что может выйти из встречи столь больших птиц.

Конечно, она могла серьёзно пострадать, и поделом, за то что суёт свой нос куда не надо. Но, впрочем, как вообще свойственно ящерицам, она отбросила свой хвост и спаслась бегством. Так что Грифу только лишь хвост и достался. Он его проглотил и даже не заметил: лёгкая закуска!

Однако его интересовала вовсе не Ящерица. Она просто повернулась под ногу и попала под клюв. Дело в другом. Гриф давненько хотел узнать, почему эта странная птица Страус всё время бегает, а не летает.

Он дружелюбно похлопал Страуса крылом по спине, и тот наконец вынул из песка и поднял свою маленькую голову.

— Давай полетим вон туда, — показал Гриф в далёкую даль. — Там столько всего вкусенького!

— Сколько? — сразу оживился Страус, всю раздвинув свои куцые крылья.

— Вот столько, — слегка сузил его размах во всём обстоятельный Гриф.

— Я летать не умею, — смутившись, признался Страус. — Совсем.

— Быть того не может! — поразился Гриф.

— Может, может.

— Разбежись, тогда и взлетишь, — посоветовал Гриф.

— Куда «разбежись»? — повертел головой Страус.

— Туда, — вновь показал Гриф в ту сторону, где их ожидало столько всего вкусенького. — Всё ближе будет.

Пробежал Страус несколько шагов, взмахнул крыльями, но не взлетел. Не вышло.

— Птичка! — Гриф насмешливо выдернул у него перо из хвоста — чпок! — и себе в хвост вставил. — Ты посильней разгонись! Опаздываем, всё вкусненькое съедят!

Помчался Страус.

А Гриф над ним кружит и сверху зычно командует:

— Давай, давай! Работай, Страус, работай ногами! Ещё быстрее! Главное — крылья! Маши крыльями! Делай, как я!..

Но как ни давал, как ни работал ногами, как ни махал крыльями Страус, ничего не получалось — никак не взлетал. Но зато стремглав уносился всё дальше и дальше в указанном направлении, вздымая мелкую песчаную пыль.

Летающий следом Гриф остался где-то далеко позади.

Страус остановился у какого-то ржавого автомобиля, давно брошенного в пустыне, и огляделся по сторонам.

Нигде не было видно учителя Грифа.

Наконец Гриф прилетел и, задыхаясь, плюхнулся наземь.

— Так и не взлетел? — тяжело дыша, спросил он.

— Нет...

— Птичка! — Гриф снова резко выдернул у Страуса другое перо и опять украсил им собственный хвост.

Затем проковылял к машине, развалился на дырявом сиденье и вновь принялся командовать, приговаривая:

— Летай! Не умеешь — научим! Не хочешь — заставим!

Напрасно пытался Страус взлететь, без толку бегал и подпрыгивал. Каждый раз, в наказание, Гриф выдёргивал у него перья, украшая ими себя, пока не оставил Страуса совсем бесхвостым.

— Старайся, старайся! О крыльях не забывай! — покрикивал Гриф и, поглядывая на далёкий горизонт, где, по его сведениям, скрывалось много чего вкусенького, азартно рассуждал: — Лучше день потерять, потом за пять минут долететь!

В конце концов не выдержал Страус.

— Крылья, крылья... — возмутился он и гордо воскликнул: — Ноги!

Он гневно согнул ногу в колене, показав Грифу мощный бугор мускулов.

Струхнувший Гриф так и свалился с сиденья и, словно какой-то задрипанный страус, сунул в песок голову.

— Птичка! — хмыкнул Страус. Одним махом выдрал у него все хвостовые перья, свои и чужие, и гордо вставил их себе, став ещё пышнее прежнего.

Затем погрузил ногу в песок и насмешливо пощекотал там, под песком, трусливую голову Грифа.

— А! — Гриф поспешно выдернул голову. — Чего?

— Зачем мне летать, как ты, если я бегаю, как я?!

И побежал стремительными размашистыми шагами к горизонту, где, как говорят, столько всего вкусенького.

— Ноги, ноги... — проводила его взглядом невесть как оказавшаяся тут юркая бесхвостая Ящерица и торжествующе провозгласила: — Главное — хвост!

Повернулась и будто выстрелила в ошеломлённого Грифа своим мгновенно отросшим новым хвостом.

И с достоинством двинулась вслед за Страусом, что-то ворча себе под нос о вкусеньком.

А бесхвостый Гриф так и остался недоуменно сидеть на песке.

И впрямь не поймёшь, что важнее: ноги, крылья, хвосты?..

Погоня

Однажды молодой Лев, свесив хвост, дремал на толстой ветви дерева. Это было в зелёном оазисе, вокруг которого расстилась пустыня.

А хвост у Льва, как назло, свисал над тропинкой. Вот и задел его случайно проходивший мимо Страус.

Обиделся Лев и бросился за ним в погоню. Страус даже извиниться не успел. И теперь давай только уноси ноги!..

Мчится, уже по пустыне, Страус. Лев не отстаёт. Ветер раздувает его гриву, и она, струясь, летит за его большой головой.

Всё ближе и ближе Лев. Вот-вот нагонит «обидчика»!

Страус уже чувствовал, как топорщатся перья у него позади от мощного дыхания настигающего Льва. А может, ему так казалось.

Что делать?

Беглец остановился и воткнул в песок голову. Лев с ходу затормозил и проехал мимо, вздымая песчаные волны.

Страус стоял неподвижно. Умный он, Страус: раз ничего не видно, значит, не так страшно.

Но Лев этого не знал и потому удивился. Он обошёл вокруг Страуса и мягко дотронулся до него лапой.

Страус выдернул голову из песка.

— Чего ты там не видел? — спросил Лев.

— У-у-у! — протянул задрожавший Страус, глядя на страшного Льва. И опять глубоко воткнул в песок голову.

Интересно! Лев тут же принялся копать рядом.

Страсть как любопытно, что же там, под песком, видит эта большая птица?!

Он снова взглянул на застывшего Страуса, внезапно отшвырнул его прочь и начал копать на его месте.

Обрадованный Страус убежал, растаял вдали.

Лев так усердно копал, что вскоре лишь хвост торчал из песка. А потом и хвоста не стало видно.

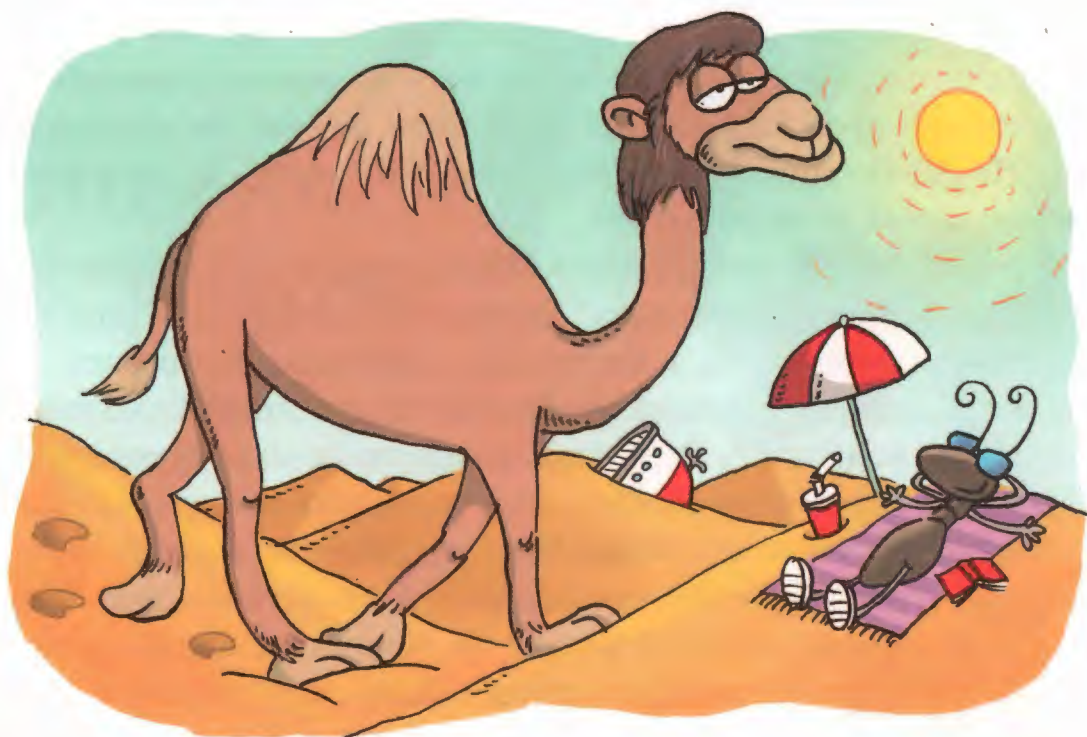
Вылез наконец Лев из глубокой ямы, встряхнулся, недоуменно пожал плечами и даже развёл лапами.

— Ничего там нет... Ох! — устало вздохнул он. — До чего же глупы эти страусы!

И важно зашагал обратно в оазис.

От великого до смешного

Мудрость говорит, что от великого до смешного — один шаг. Точно не знаем. Возможно, и два шага, а то и три. Раз на раз не приходится.

Такая вот невероятная история... Невозмутимо шествовал по пескам высокомерный Верблюд-великан. Так сказать, корабль пустыни.

А на его пути вдруг оказался коротышка Муравей.

Верблюд, не глядя, наступил на него своей ножищей и пошёл дальше.

Хорошо, что не раздавил. Повезло Муравью. А впрочем, такую мелюзгу мудрено раздавить. Особенно на песке.

Выскочил Муравей из-под песка, сердито отряхнулся и погрозил Верблуду вслед кулачком. Мало того, догнал, обогнал и вновь погрозил Верблуду.

Но высокомерный корабль пустыни, опять не заметив, вновь наступил на него, продолжая свой путь.

Снова выбрался из-под песка Муравей и призадумался: как ему отомстить? Да что там — отомстить. Как сделать так, чтобы заносчивый Верблюд хотя бы на него внимание обратил? Тем более что он здесь часто ходит и их пути нет-нет да и пересекаются. Неужели трудно себе под ноги посмотреть и пропустить путника, пусть и маленького!

Муравей был по-своему прав. Невелика заслуга таким большим, как Верблюд, вымахать. Таким уж уродился. И под ноги надо иной раз смотреть, а не только горизонты обозревать.

И вот однажды Муравей взобрался на длинный бамбуковый хлыст и стал поджидать Верблюда. А сам зачем-то раскачивал тонкую и гибкую верхушку бамбука, что-то примеряя и рассчитывая.

Наконец на тропе появился Верблюд. Вот он подошёл поближе и... Получив хлёсткий удар по горбу, он взвился чуть ли не на дыбы и, скосив гневный взгляд на обидчика, вдруг... увидел за барханом притаившегося в засаде Льва. А Муравей о нём и не знал, потому что в другую сторону смотрел.

Верблюд вихрем унёсся прочь!

Прошёл день...

Опять случайно оказался Муравей на пути Верблюда. Мощные ноги великана, одна за другой, осторожно перешагнули через него.

Обернулся затем Верблюд и, подмигнув, дружелюбно кивнул ему, незаметному коротышке Муравью.

Так до сих пор Муравей и не знает, почему Верблюд с ним теперь здоровается.

Моска по родине

Скорый поезд медленно ехал мимо сосновой рощи.

В купе расположились двое: молодой толстяк Бегемот и бородатый Козёл.

— Ну, а что ты теперь видишь за окном? — допытывался Козёл.

— Пальмы, — отвечал Бегемот, моргая маленькими добрыми глазками.

— А с ветки на ветку кто прыгает?

— Обезьяны.

— Да не пальмы и обезьяны там, а сосны и белки! — вскричал Козёл. — Раскрой глаза! Ну что с тобой делать, а? — сокрушался он.

Строгий Козёл работал доктором в областном зоопарке и вёз Бегемота на консультацию к медицинскому светиле — Горному Козлу, крупному специалисту столичного зоопарка. У Бегемота вдруг обнаружилось редкое заболевание: порой он видел то, чего нет.

— Не можешь ты всего этого видеть, — укорял доктор Козёл смущённого Бегемота. — Ведь ты здесь, у нас, родился и свою Африку никогда не видел!

— А вот и вижу, — твердил Бегемот.

— Это тебе чудится.

— Почему?

— Не знаю, — жалобно проблеял Козёл. — Случаются и не такие видения. Разберёмся в твоём заболевании. Вон и глаза у тебя — красные.

— А почему у бегемотов глазки красненькие, — неожиданно спросил Бегемот, — знаете?

— Почему?.. — оторопел Козёл.

— Чтобы легче в земляничке прятаться!

— Да ну тебя с твоими шуточками! Тут дело нешуточное!

Поезд по-прежнему медленно тащился по равнине с редкими сосновыми и берёзовыми рощами. Смеркалось... На автомобильных переездах появились зайчихи с фонарями и флажками.

— А что ты теперь там видишь? — опять начал Козёл, показывая на очередную зайчиху с фонарём.

— Фонарь.

— Правильно, — оживился доктор. — А кто его держит?

— Макака, — простодушно ответил Бегемот.

— Тьфу ты! Опять!.. Тяжёлый случай.

— Тяжело, — согласился Бегемот. — А сладенького у вас ничего нет? Мне тогда сразу будет легче.

— На тебе деньги, пастилы в буфете купи. Розовой! — крикнул Козёл уже вдогонку Бегемоту. — Я белую не люблю.

Пастилы Бегемот не купил. Буфет был закрыт на санитарный час.

«Понятно, — догадался он. — Санитары ужинают».

Поезд остановился. Какая-то станция. Ларёк на перроне. И очереди нет.

Но розовой пастилы в ларёке не оказалось. Пришлось бежать на привокзальную площадь. Да и там не сразу найдёшь.

В конце концов, пока он искал и покупал пастилу, поезд ушёл. Такое разве что в страшных снах приснится!..

Бегемот понёсся за поездом. Сначала по шпалам, потом по боковой тропе, затем по пыльному просёлку.

Путь преградила речка. Бегемот так спешил, что сбил с ног Енота-полоскуна, который стирал у брода свою полосатую рубаху.

В мгновение ока Бегемот вплавь перебрался на другой берег. Брод бродом, да ноги-то у него короткие! А Енот невозмутимо уплывал себе вниз по течению, продолжая свою стирку.

— Извини, друг! — опомнившись, крикнул ему Бегемот.

— Зелёный крокодил тебе друг! — сердито откликнулся Енот-полоскун.

— Верно, — наивно просиял Бегемот. — Я тоже почему-то так думаю. Умён, понимает!

Поезд скрылся вдали...

На своё счастье, Бегемоту удалось остановить попутный грузовик.

— Поезд ушёл! — взмолился он. — Догнать не могу!

Шофёр, круторогий Баран, посочувствовал:

— Запарился, аж мокрый. Полезай в кузов. Мы его на следующей станции перехватим.

И машина помчалась вдогонку за поездом. Она даже обогнала его, но вскоре пришлось остановиться. На переезде, на глухом полустанке, дорогу преградил шлагбаум.

Баран и Бегемот вылезли из машины.

У переезда стояла Зайчиха с фонарём и флажком.

— Кормят-то хоть ничего? — спросил Баран своего пассажира.

— Где? В зоопарке?

— А разве ты не оттуда сбежал?

— Я не сбежал, я просто отстал. А кормят, честно скажу, плохо.

— Сейчас всем плохо, — вздохнул шофёр. — Свинская жизнь! Из домика возле переезда донёсся плач зайчонка.

Послышался шум приближающегося поезда.

— Милок, поддержи фонарь, — обеспокоенно попросила Зайчиха Бегемота, вручила ему фонарь, флажок и упрыгала к домику.

Поезд медленно проходил переезд. Внезапно Бегемот увидел в окне доктора Козла и радостно замахал ему фонарём.

Козёл остолбенел, не поверив глазам своим, затем отшатнулся и упал без чувств на лежак. Виданное ли это дело: на каком-то глухом полустанке, на переезде, стоит его пациент с красным фонарём!

Состав ушёл.

Найди меня
на картинке
справа!

Грузовик доставил Бегемота к следующей остановке поезда как раз вовремя.

— Большое африканское спасибо! — горячо поблагодарил Бегемот шофёра. — А знаете, вы очень на антилопу похожи!

— Моя отдалённая океаном родственница, — согласился Баран. Не Козёл. Не стал спорить.

Когда Бегемот вошёл в своё купе, доктор Козёл по-прежнему лежал без чувств. Такое потрясение!

Бегемот побрызгал на него остывшим чаем из стакана.

— Ох!.. — Приоткрыл глаза доктор. — Это ты?

— Ага. Я пастилы принёс. Розовой!

— Какая тут пастила?.. — слабо пробормотал Козёл. — Не поверишь... Гляжу я в окно, а на глухом полустанке, у переезда, ты стоишь и мне красным фонарём машешь!

— Тяжёлый случай, — беспокоился Бегемот. — Нешуточное дело.

— Ещё бы!

— Может, почудилось? Может, видения? Может, снова в окно поглядите?

— Боюсь, — наотрез отказался Козёл и закатил глаза.

В столице Бегемот принёс на плече стонущего Козла в зоопарк и сдал его, как говорится, с рук на руки крупному медицинскому светиле — Горному Козлу.

— А нам сообщали, что бегемота на консультацию привезут. Вечно напутают!

Привели Козла в чувство лошадиной дозой нашатыря.

— На что жалуетесь?

— На него, — сразу указал Козёл на Бегемота. — Видать, заразился.

— Чем? — строго спросил Горный Козёл.

— Чем, чем... — проблеял Козёл. — Вижу то, чего нет. Представляете, едем мы в поезде, гляжу я в окно и вижу: на глухом полустанке, у переезда, он стоит, — и указал на Бегемота, — и красным фонарём мне машет!

— Шутите?

— Какие там шутки! Того и гляди, копыта отбросишь!

— Да, нешуточное дело, — призадумался Горный Козёл.

— Тяжёлый случай, — уже привычно поддакнул Бегемот.

— Будем лечить. Необходим абсолютный покой.

— И пастила. Он розовую любит, — посоветовал Бегемот.

— Учтём ваше пожелание как специалиста.

— Да какой он специалист? — вскинулся было бородатый Козёл. — За окно поезда смотрит, а там обезьяны по пальмам скачут!

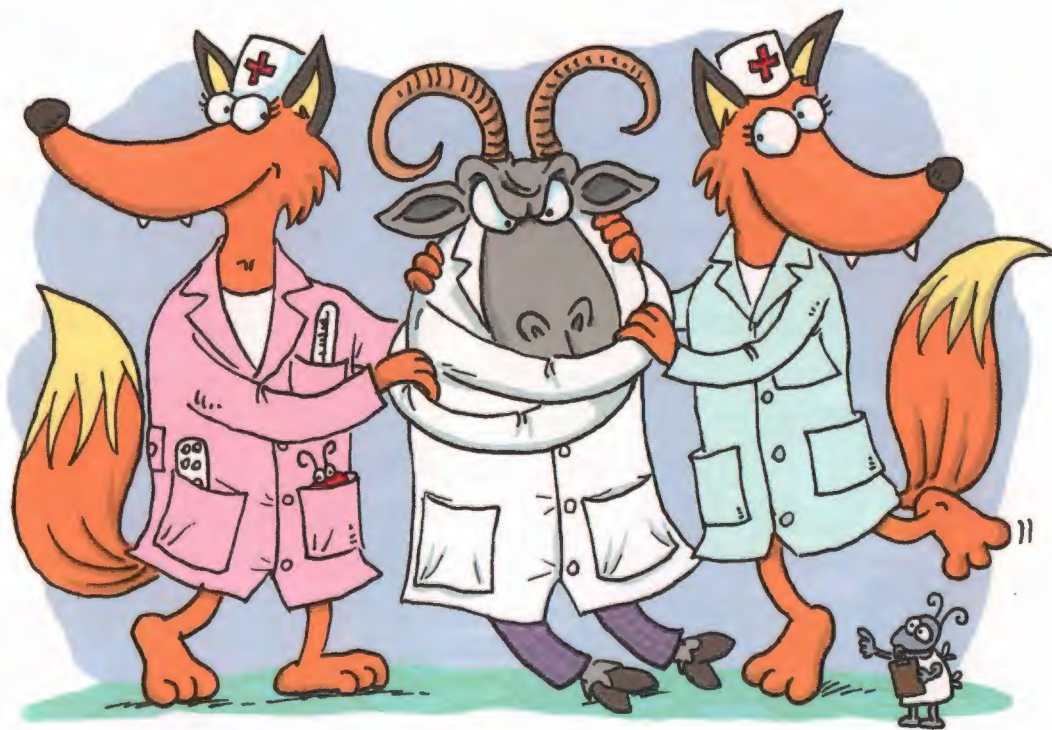
— Успокойтесь, батенька, успокойтесь!

И сёстры-лисоньки, мигом уложив брыкавшегося Козла на каталку, увезли его в отдельную палату. С цветным телевизором.

Почему Бегемот во всём не признался?

«Пусть доктор полечится, — полагал он, — полежит, отдохнёт. Намучался с нами, горемыка, в нашем зоопарке-то. Нас много, а он один».

А сам себе Бегемот сказал: «И чего тут такого, что иногда я вдруг родину вижу, хоть её никогда и не видел? Что тут плохого? Может, я по ней тоскую!»

Мышье братя

Это был небольшой зоопарк. Если взглянуть сверху — ну, хотя бы вон с тех балконов, — то хорошо видно, что располагался он квадратом, с трёх сторон зажатом здоровенными домами. Четвёртую сторону замыкала узкая улица, по которой бегал длинный двойной троллейбус.

На квадрате зоопарка, расчерченном проходами, виднелись другие квадратики: клетки и вольеры со зверями. Своего рода маленький тихий городок внутри большого шумного города.

Каждый день толпа посетителей, растекаясь по узким проходам, с наивным восторгом разглядывала зверей.

А каково было им, зверям?

Вечно удивлённый жираф ютился в тесной загородке из строгих железных копий — три шага влево, три вправо по серой вытоптанной травке.

Он то и дело вздрагивал, когда по проводам, висящим чуть ли не перед его носом, проскакивали высокие дуги троллейбуса, пробегающего почти вплоты к забору зоопарка.

Царственному льву в его клетке было ещё теснее, чем жирафу. Лев монотонно «расхаживал» по кругу, изогнувшись всем телом, — бесконечным кольцом.

Иногда львиный хвост с кисточкой выскакивал сквозь прутья наружу. Дети пытались схватить его, и тогда лев оскорблённо поджимал хвост.

А слон-великан?.. Он вообще стоял как врытый. Негде даже повернуться в загончике. Слон мрачно качал хоботом из стороны в сторону. И только лишь его хобот мог выйти за пределы изгороди, да и то в вышине — в вольном небе.

А взгляните — ох, ох! — на бедного белого медведя. Жарко... Он застыл, пригнувшись, над бортиком мелкого бетонного водоёмчика величиной с две обычные ванны. Неужели собрался нырнуть?

Правильно, что передумал. Медведь уселся в бассейне, заняв его почти весь. Набирая пригоршней воду, он обмахивался как бы водяным веером.

И вот однажды ночью случилось Необычайное.

Сразу скажем, ночь была как ночь. Звери спали. Поперёк узких дорожек лежали торчащие из-за прутьев загоронок всевозможные хвосты, лапы, разные копыта и даже шея жирафа. Разумеется, вместе с головой.

Не знаем, как спят жирафы на воле. Возможно, они спят стоя или сидя. Но здесь он спал именно так. Неволя чему угодно научит.

Дозором проехал на велосипеде сторож в форменной фуражке, мигая фонариком и тренькая звонком.

Звери на его пути поспешно убирали свои конечности в тесные загончики и клетки.

Труднее всех пришлось жирафу. Голова застряла меж прутьев. Наконец — хлоп! — он продёрнул её к себе и, подламываясь

на тонких ногах, встал. Сонно покачиваясь, вновь начал оседать, весь складываясь и ужимаясь.

В конце концов он стал укладывать шею петлями наподобие пружины. И всё продолжал сжиматься калачиком.

Жираф становился меньше, меньше, меньше...

И вскоре превратился в совсем маленького жирафика. Облегчённо вздохнув, он заснул себе спокойно в просторной теперь загородке.

Изумлённый лев, недоверчиво глядя на превращения своего соседа, тоже начал сжиматься, втягивая гривастую голову в плечи и поджимая лапы под брюхо.

Ещё, ещё, ещё! И нате вам — так же превратился в маленького льва.

Оттопырив широченное ухо и приоткрыв большой любопытный глаз, смотрел на всё это великан слон.

Да и белый медведь — дремлет, дремлет, а всё-ё видит!..

Утром служители и ранние посетители зоопарка, раскрыв рты, круглые, как луна, ошеломлённо глядели на изменившихся зверей.

Маленькие жираф, лев, слон — ну, словно маленькие, — весело бегали по своим большим теперь владениям.

А белый медведь-малютка лихо нырял в бетонный бассейн и самозабвенно мерил его сажёнками.

Раскрытые рты людей превратились в полумесяцы улыбок. Смех, ликование, аплодисменты!

Прошло время...

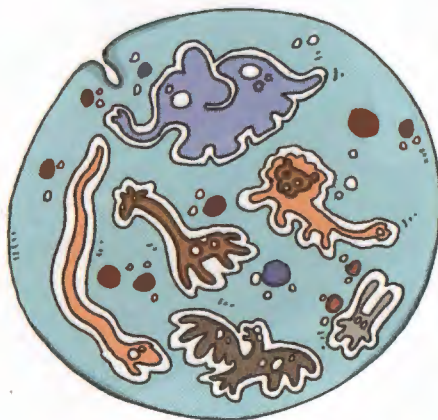
Гонит, кружит ветер в небе жёлтый осенний лист. Вертясь, он опустился и накрыл, словно крышей, всё пристанище малюсенького льва, который опять, как когда-то, монотонно расхаживал, изогнувшись всем телом, внутри своей клеточки.

И жирафик, и слоник, и крохотный медведь — все звери снова находились в тесных загончиках. А стены новых здоровенных домов, наступая, уже захватили почти всю прежнюю территорию зоопарка.

А может ли быть другой конец этой грустной истории? Что ж остаётся зверям?.. Уменьшаться дальше и дальше?!

Мне приснился жуткий сон.

Лабораторный столик, стоящий на пяточке бетонного дворика. Тянется очередь посетителей. Они поочерёдно смотрят в глазок большого микроскопа на... зоопарк. А там — самые разные звери, и каждый — за своей загородочкой.

Жители Красной книги

Коле было почти десять лет, а его младшему брату Мишке — уже побольше семи. В этот день, отправляясь пораньше в школу, они решили по пути заглянуть в Зоопарк, потому что старшему брату поручили к сегодняшним занятиям подготовить доклад о фауне Индии. А он, конечно, ничего не сделал.

Школа, в которой учились братья, находилась напротив Зоопарка. Когда мимо них потянулся его дощатый забор, Мишка спросил:

— Коль, а зачем зверей в зоопарке держат?

— Чтобы дразнить, — ухмыльнулся старший брат. — Не забывай мне голову, а то в неё ничего не влезет об этой индийской фауне!

— О чём?.. — удивлённо переспросил Мишка, услышав незнакомое слово.

— Ну, о всех там... ползучих, летающих, бегающих. О животном мире, балбес!

Оглядевшись, Коля отодвинул знакомую доску в заборе, и братья оказались в Зоопарке.

Они пробежали по аллее и остановились у большой таблички: «Тигр бенгальский». Ниже сообщалось о том, где он водится, какие у него повадки, и так далее.

— Семейство кошачьих, — прочитал Коля, быстро занося данные в тетрадь. — Записан в Красной книге.

— Ну что, усач, добегался? — сделал ему зверскую рожу на прощанье Коля.

Тигр, обидевшись, скорчил ему вслед... человеческое лицо. И только ребята отошли подальше, как рассвирепевший тигр принялся бесшумно выламывать решётку.

Братья подбежали к вольеру для хищных птиц. Огромный кондор сидел на сухом пне.

— У-у-у! — состроил и ему рожу Коля, на ходу записывая новые данные. — Ну что, король птиц, долетался?

И только братья ушли, как разъярённый кондор, тяжело взмахнув подстриженными крыльями, вдруг поднялся в воздух. Настолько его довели!

Затем братья приблизились к террариуму для змей. Здоровенный питон, а попросту удав, грелся на солнышке.

Быстро записывая и его данные, Коля опять не удержался, высунул язык и насмешливо произнёс:

— Ну что, червяк, доползался?

— Опаздываем! — ужаснулся младший брат, взглянув на уличные часы.

И они понеслись к выходу.

А питон, яростно выдохнув воздух, стал плоским и пролез наружу под сеткой террариума.

Братья вбежали в школу. Мишка помчался к двери с табличкой: «1-й Б». А Коля бросился было к двери «3-й А». Затем стукнул себя кулаком по лбу — негромко, правда, —

и метнулся к «Кабинету биологии».

В кабинете, заставленном разными чучелами и стендами с гербариями, молодая учительница в очках с толстыми стёклами заканчивала переключку.

И только она назвала фамилию «Куликов», как Коля, влетевший в кабинет, отозвался:

— Я здесь!

И через мгновение он уже занял свободное место у открытого окна, за которым виднелся Зоопарк.

— Тема сегодняшнего урока — «Фауна Индии», — объявила учительница.

Тут в полуоткрытую дверь кабинета проскользнул бенгальский тигр, мягко затворив её за собой полосатым хвостом.

Тем временем учительница, ничего не заметив, вывешивала на доске большой плакат с изображениями зверей:

— Самое известное животное, наиболее распространённое в индийской Бенгалии...

— Тигр! — закричали ученики.

— Правильно, — оглянувшись, она увидела тигра, который мигом замер среди чучел зверей в углу, у самой доски.

Протирая очки, учительница сказала:

— Как это я сразу не заметила наш новый экспонат? Нам давно обещали шефы из Зоопарка. Видимо, вчера вечером привезли.

Так вот... — Она взглянула на класс и увидела, что все ученики были не за партами, а под партами!

Учительница пошла между рядами:

— Что за игра в прятки! Что за шутки!

В этот момент позади неё в открытое окно — незаметно для всех, но не для Коли, — сложив крылья, спикировал кондор, а в щель под дверью просочился питон и снова стал толстым, как бревно.

Кондор грузно сел на шкаф — и у совы, которая столько лет простояла тут чучелом без всяких забот, сразу вывалился стеклянный глаз. А питон свернулся под другим шкафом и застыл тоже наподобие чучела.

Дети ещё больше притихли под партами и явно не собирались вылезать.

— Ну что ж, — усмехнулась учительница. — Меня вы ничем не удивите, сама не так давно была школьницей. Когда надоест, вылезете. Так вот... — повторила она. — А впрочем, Куликов, тебе же был поручен доклад. Прошу к доске!

Но Коля быстро пополз под партами в другую сторону. Учительница подошла и заглянула под последнюю парту. Дальше Куликову ползти было некуда — стена.

— Коля, ты готов? — спросила учительница.

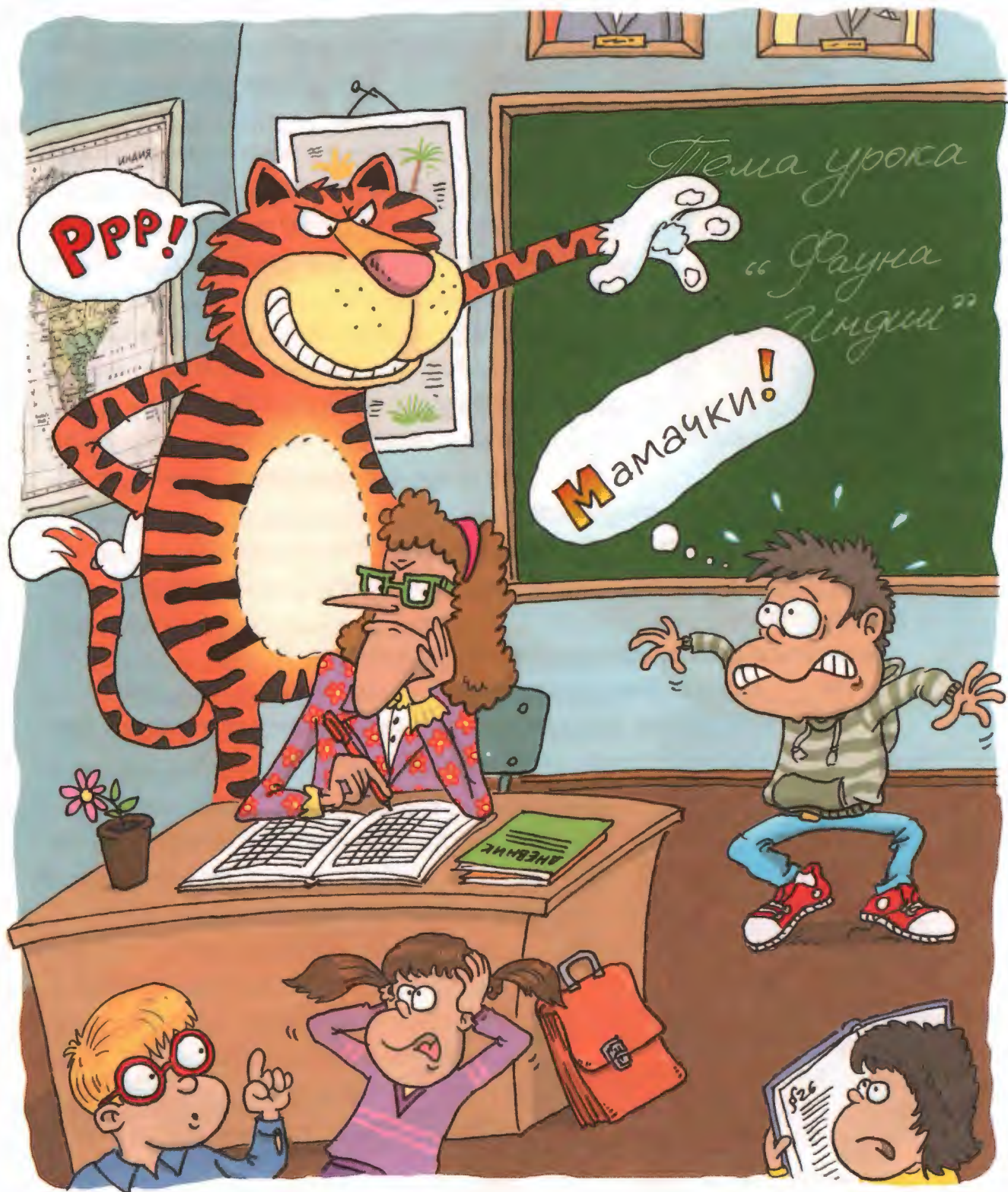
— Готов, — обречённо признался Коля и опять пополз под партами, на этот раз к доске.

— Ну и манеры! Ты что, удав? — снова усмехнулась учительница.

Весь класс не издал ни звука. Только питон невольно захихикал под шкафом, а когда учительница оглянулась, заткнул себе рот собственным хвостом.

Коля наконец встал у доски, скрестив руки на животе, и тонким, прерывающимся голосом начал:

— В Индии водятся... — Робко взглянул он на кондора, стараясь вообще не смотреть на замершего рядом тигра: — ...кондоры, питоны... — Покоился на питона: — ...тигры. — И втянул голову в плечи.

Учительница стояла лицом к классу и не видела, как тигр занёс над Колей свою мощную лапу. Зато Коля увидел — по тени на полу.

— Тигры запросто могут снести одной лапой башку у человека, — скороговоркой зачастил Коля, — но никогда-никогда этого не делают. — Зажмурился он: — Если их... не дразнят!

Тигр мгновенно убрал лапу и бесшумно вынырнул из класса, открыв носом дверь и прикрыв её хвостом.

Ученики, немного осмелев, вылезали из-под парт, но по-прежнему молча и настороженно.

Учительница улыбнулась и снова протёрла очки.

— А что ты скажешь хотя бы о кондорах? — Обернулась она к докладчику.

Выпустив когти, кондор зло уставился на Колю.

— Он — самый благородный... — вздрогнув, начал тот.

Кондор, несколько размякнув, тут же заботливо вставил выпавший стеклянный глаз соседке-сове.

— Он — самый красивый! — заявил Коля. — Самый быстрый! Король птиц широко расправил крылья.

— И такой хороший, — чуть не прослезился Коля, — что даже ко всем, кто его обижает, он добрый-предобрый — ну просто жуть!

Учительница опять не заметила, как кондор, снова сложив крылья, нырнул в открытое окно. Дети ахнули.

А питон начал медленно выползать из-под шкафа.

— Питон! — вскричал уже было успокоившийся класс.

— Вот, кстати, — подхватила учительница, — что ты знаешь о них?

— Ну... питоны... — подыскивал слова Коля, не сводя глаз с удава.

Удав сразу насторожился.

— Тоже... коварные хищники, — дал всё-таки маху Коля.

Удав весь выполз из-под шкафа, готовясь к броску.

— Питоны, или удавы, — своего рода санитары джунглей, — торопливо продолжил Коля.

Удав, одобрительно кивнув, попятился.

— Они приносят огро-о-мную пользу! Их беречь надо! Недаром они как исчезающие записаны в Красную книгу!

Питон опять забрался под шкаф, удобно свернулся, как пожарный шланг, и сладко задремал.

— Садись на место, Куликов. Двойка! — Учительница склонилась над классным журналом и поправила очки. — Я гляжу, ты, кроме того что звери — добрые и полезные, ничего не знаешь.

Она вновь пошла по классу.

— Итак, почему мы держим зверей в зоопарках? Чтобы их род никогда не переводился!

Питон, очнувшись, под молчаливый восторг класса проскользнул вдоль стены, мягко взобрался на учительский стол и, слизнув двойку в классном журнале, просочился обратно под дверь.

После уроков Коля и младший брат Мишка возвращались домой. Поравнявшись с потайным проходом в заборе Зоопарка, Коля, подняв камень, прибил доску с торчащими гвоздями на место.

— А то ходят тут всякие... — смущённо пояснил он, — и дразнят.

Мишка поднял другой камень и хотел было запустить в голубей, нахально гулявших по тротуару. Но старший брат строго заметил:

— И не думай!

— Почему? — удивился Мишка. — Они же в Красную книгу не записаны.

— По-моему, уже все теперь там, — задумчиво сказал Коля Куликов.

Он знал, что́ говорит.

Содержание

Тройной бес.....	7
Истукан.....	23
Крылатый смельчак.....	27
Клетка.....	38
Крылья, ноги и хвосты.....	51
Погоня.....	55
От великого до смешного.....	57
Тоска по родине.....	59
Меньшие братья.....	66
Жители Красной книги.....	71

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
СЕРИЯ «ОЧЕНЬ ПРИКОЛЬНАЯ КНИГА»

Альберт Анатольевич ИВАНОВ

КРЫЛЬЯ, НОГИ И ХВОСТЫ

Ответственный редактор *Евгения Тихонова*
Художественный редактор *Владимир Ноздрин*
Технический редактор *Елена Антонова*
Корректор *Ольга Смирнова*
Верстка *Елены Антоновой*

Подписано в печать 26.10.2009. Формат издания 84×108 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 10000 экз. Заказ № 0279.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.П.011281.07.09 от 03.07.09

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано в ЗАО «ИПК «Парето-принт»
г. Тверь, www.pareto-print.ru

CAOP254001R